



18+

Мирослава Кузнецова

Расскажи мне, мама, о любви...

Мирослава Вячеславовна Кузнецова

Расскажи мне, мама, о любви...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36325393

SelfPub; 2019

Аннотация

Как и все девчонки, пятнадцатилетняя Екатерина мечтает о любви, но случайная беременность полностью меняет ее жизнь. Долгие годы она живет только ради дочки, не надеясь встретить суженого. Переступая через себя в каких-то поступках, молодая женщина считает, что это все ради счастливой и безоблачной жизни своей маленькой красавицы. Ребенок, карьера и случайные любовники – вот и вся моя жизнь, думает Екатерина, не представляя, что однажды случайная встреча с мужчиной перевернет спокойную жизнь ее маленькой семьи. Но что делать, если вам говорят, что любят не вас, а другого человека? И даст ли жизнь второй шанс на счастье?

– Дрянь! Потаскуха! – широкая ладонь отца с размаха опустилась мне на лицо, но от второго удара я успела закрыться ладонями. – Кто он? Говори!

Удары сыпались один за другим, и все, чем я могла облегчить себе участь, это закрывать руками свое лицо и часть головы. Перепуганная насмерть мама сделала робкую попытку прийти мне на помощь, но очередной удар отца достался ей, и она, припечатанная к креслу, заскулила, надеясь тем самым смягчить гнев главы нашего семейства.

– Заткнись, Галька! Ты шалаву вырастила, не следила за дочерью, из-за тебя все!

Боясь кулаков отца, похожих по размеру на дыню, мы с мамой уворачивались от них, как могли. Покрывала с кресел и дивана валялись на полу, стулья были перевернуты, а злоба отца кружилась по всей квартире, громя все вокруг.

Остановить безумие казалось невозможным, и приходилось ждать. Непонятно чего, но ждать. Пьяный он обычно устраивал разборки, и всегда доставалось маме. Он оскорблял ее, иногда поколачивал, мог разбить пару-тройку тарелок на кухне. Пил отец немного, по меркам нашего двора, где проживал в основном рабочий люд, и о счастливых се-

мьях и веселом детстве никто и не мечтал. Так что мне еще повезло – запах перегара появлялся у нас в квартире по пятницам, когда отцу надо было расслабиться после трудовой недели, и в один из выходных – это было необходимо для его души. И в том, и в другом случае мама вела себя крайне осторожно, не перечила ему ни в чем, готовила вкусные блюда, красиво накрывала на стол, как будто к нам в дом пришел праздник. Она делала это, чтобы отец не рассердился, чтобы ему понравилось все, и в доме не начался бы очередной скандал. К сожалению, очень многие, напившись, теряют человеческий облик, превращаются в зверя, и мой отец не был исключением.

Но сейчас он был абсолютно трезв, и то, что он вытворял, происходило из-за меня.

Я понимала, что очень виновата, но что мне делать дальше, не знала. У меня была проблема, разобраться с которой без помощи взрослых не представлялось возможным, и позавчера я во всем призналась маме. Выслушав меня, она сначала впала в ступор, но, обретя способность говорить, произнесла дрожащим голосом:

– А что теперь скажет отец?

А что мог сказать мой отец? Только что он узнал – его пят-

надцатилетняя дочь беременна. Единственная дочь, подающая большие надежды в учебе – отец не раз хвалился моим аттестатом за девятый класс. В нем не было ни одной четверки, и я слышала, как отец говорил всем своим друзьям, знакомым и просто собутыльникам:

– В меня Катюха. Головастая – вся в меня! Галька моя хорошая баба, но дура дурой. Ни образования приличного, ни ума. А Катька далеко пойдет. Вот увидите. Это было совсем недавно, и отец даже согласился вместе с мамой прийти в школу на вручение аттестатов. Мои родители сидели в первом ряду, и я, разглядывая их, радовалась, что они такие красивые, нарядные, молодые, а они, в свою очередь, гордились моими успехами. Наверное, они могли быть хорошей парой, любить и уважать друг друга, как и должно быть в семьях. Но этого не случилось.

– Потаскуха! – повторил отец, исподлобья взглянув на меня.

Мне было уже все равно, что будет дальше. Убьет меня, и пусть, подумала я, разве это жизнь? И вообще, какая жизнь ждет меня впереди?

Беременность моя случилась неожиданно и почти случай-

но. На майские праздники меня отпустили в гости к подружке на дачу. Неподалеку отдыхала большая компания парней, которые сразу обратили на нас внимание. Мне очень понравился один из них, по имени Толик – высокий, симпатичный, с фигурой атлета. Он сказал, что учится в Санкт-Петербурге, в университете имени Лесгафта. Я поверила ему сразу, да и как могло быть иначе? С такими фигурами только там и учиться, а Толик к тому же оказался умен. Он нежно ухаживал за мной, вел себя прилично, не приставал, как это делали другие парни. Моя подружка уже давно сидела на коленях одного из них и глупо хихикала, когда он прижимал ее к себе и что-то шептал ей на ухо. Руки его спокойно гуляли по ее коленям, забирались под футболку, делали что-то еще, на мой взгляд, постыдное.

– Пойдем, погуляем? – предложил мне Толик, протягивая руку. Я с удовольствием согласилась – все-таки неприятно смотреть на мою подружку и других девушек, допускающих разные вольности. Из спиртного здесь было только пиво, правда, в неограниченном количестве. Все пили сколько хотели, и веселая вечеринка продолжалась. У меня на пиво была аллергия, и поэтому я ничего не пила, кроме сока и минералки. Я рассказала об этом Толику, который ответил мне, что он сам тоже ничего не пьет – спортивный режим. Мы гуляли по дачному поселку, и я была на седьмом небе. Еще бы, понравиться такому видному парню! Слушая Толика, ко-

торый интересно и много рассказывал о красотах Северной столицы, о своей учебе и спортивных соревнованиях, я просто млела от подступающего счастья. Я чувствовала, что оно есть, я поверила в это сразу и безоговорочно. Особенно когда Толик сказал, что впервые встретил на своем пути такую милую, умную девушку. Нет, он не сделает мне ничего плохого, я могу быть с ним рядом абсолютно спокойна. Я и была спокойна. Ночь мы провели вместе, и мне все очень понравилось. Наслушавшись страшилок о "первом" разе у девочек, я слегка волновалась. Но Толик подарил мне незабываемую ночь любви. Он долго целовал меня, лаская руками мое тело, губы его блуждали по мне, как по какому-то лабиринту, и я слышала его задыхающееся: "Люблю тебя, моя девочка, очень люблю ..."

Мое сердце стучало, как бешеное, я сама задыхалась от нахлынувших на меня чувств и новых ощущений. Я пыталась ласкать моего первого мужчину, делая это наивно и неумело, но это ему нравилось. Вздрагивая от моих прикосновений, Толик прижимался ко мне, не прекращая целоваться, и продолжал шептать слова любви. Он уже понял, что это у меня "первый" раз, и поэтому старался сделать все осторожно. В какой-то момент я все равно почувствовала боль, усиливавшуюся с каждой секундой, и теперь уже мне хотелось, чтобы все закончилось. Позже Толик вновь долго целовал меня, не пропуская ни одного сантиметра моего тела,

и сказал, что такая ночь у него впервые. И что он любит меня. Красивые слова я слушала с замиранием сердца. И была уверена в продолжении наших отношений. А потом случилось то, что, наверное, бывает очень часто с девушками – Тоник пропал. Он не отвечал на звонки, на его почту я писать не могла. И, конечно, от него не было ни слуху ни духу. Едва отойдя от этого потрясения и сделав вывод, что все мужчины подлецы, я получила очередной удар – у меня случилась задержка. Подружка, подсунувшая мне в тот день на даче какие-то таблетки, убеждала, что ничего не случится. Помимо задержки "критических" дней, появились еще симптомы, и я с ужасом поняла, что не ошиблась. И что теперь делать?

– Что будем делать теперь? – заорал отец, повторяя мои мысли вслух, и, распаяясь вновь, занес руку для очередного удара и вдруг замер, как бы решая, кого ударить сначала, меня или маму.

– Что здесь происходит? Колька, ирод проклятый, ты что творишь? – хриплый прокуренный голос принадлежал самому нужному человеку в мире – моей бабушке. – Не успела уехать, а тут такое! Ты что, скотина, теперь и среди недели пить начал?

Бабушка швырнула сумки и рюкзак в сторону и, огляды-

вая все вокруг, кинулась на кухню. Вернулась она с большой деревянной толкушкой в одной руке и со скалкой в другой.

– А ну, иди отсюда! Вон пошел, пока не прибила! – бабушка бесстрашно приблизилась к разъяренному отцу и ткнула его скалкой куда-то в плечо.

– Ты чего, мать! Ополоумела? – отец все же попятился от наступавшей на него бабушки. – Да ты знаешь, что Катька натворила? Опозорила нас всех! Из дома выгнать ее...

– Я тебя скорей выгоню! Пошел, пошел отсюда, – бабушка чуть поутихла, – без тебя разберемся.

Отец ушел на кухню, и, судя по звукам, достал из холодильника бутылку водки, оставшуюся от прошлого "лечения" души. Немного погодя он улегся в постель в спальне, но еще долго не спал. Он рассказывал о случившемся горе: "Катька, сука, в подоле принесет... позор-то какой! Что я друзьям скажу? Обсмеют ведь, меня обсмеют! Что делать теперь? За что мне это?"

Далее он жаловался, что Галька всю жизнь испортила ему, и почему он так несчастен? Слушала и утешала отца, как всегда, наша такса по кличке Кнопка. Она преданно сидела в спальне и смотрела на него несчастными глазами. Кнопка,

действительно, была несчастной собакой. Раньше она жила в семье тети Светы, младшей сестры отца. Кроме бабушки, тетя Света была единственной, кто мог утихомирить отца и обуздать его пьяный гнев, и я всегда радовалась, когда она приезжала к нам. Бывать в гостях в ее семье мне тоже очень нравилось. Жила тетя Света в большой красивой квартире в центре города. Муж ее был непьющим. Добрый и веселый, он много возился со своими сыновьями и очень хорошо относился ко мне. Вот о такой семье я мечтала уже давно. О той семье, которая у меня будет, когда я вырасту и выйду замуж. Я делилась своими мыслями с тетей Светой, и она, обнимая меня, говорила:

– Все у тебя будет, Катенька, вот увидишь! Лучше, чем у меня, будет.

Моя милая, добрая тетя погибла три года назад вместе со своей семьей. Тогда впервые они поехали отдыхать в Тайланд. Райское место для отдыха, все есть и очень дешево, хвалилась тетя Света, заехав к нам перед отъездом. Она привезла нам Кнопку и тысячу указаний, как именно следует ухаживать за их любимицей и обещала, что на следующий год я обязательно поеду отдыхать с ними.

Самолет, на котором они возвращались из Паттайи в

Москву, пролетел совсем немного. По неизвестной причине он рухнул в море, и сто сорок пассажиров и восемь членов экипажа пропали без вести. Наступили черные дни в нашей жизни. Томительные часы ожидания, наполненные ужасной болью. Никто не говорил этого вслух, но еще некоторое время мы жили надеждой. Траур бабушка надела после официального сообщения и признания погибшими ста сорока восемью человек, летевших из Паттайи. Родственникам погибших полагались денежные выплаты, организации, где работали тетя Света с мужем, также оказали хорошую материальную поддержку. Конечно, об этом никто не хотел думать, до поры...

Сороковины устроили в квартире тети Светы, пригласив только самых близких.

– Скоро в наследство вступать, документы готовить, справки собирать, – заплакала бабушка. Она держалась, пока шли поминки, но теперь мы остались одни. – Не хочу ничего! Светочка, доченька, как же так? И зачем ты так хотела в этот проклятый Тайланд?

– Два года собирались, – закивал головой отец. – Мать, ты сама документами занимайся. Я не могу. Не могу, хоть убей!

– Мама Миши слегла. Единственного сына потеряла, всю его семью, – прерывисто вздохнула бабушка, – я хотела ей позвонить, но трубку берет кто-то другой. Она же тоже наследница, Господи.

Убрав все после поминок, мы вернулись домой. На площадке возле нашей квартиры стояли мужчина и девушка.

– Я двоюродный брат Михаила и представляю интересы его семьи, – сказал мужчина. – Вы позволите нам войти?

Девушка оказалась адвокатом и сразу приступила к делу. Она заявила, что у Михаила и Светланы, помимо квартиры, автомобиля и дачи, есть счет в банке. Денежную помощь и компенсации тоже нужно пересчитать, все учесть и поделить. Я не все понимала, что говорила девушка, но по лицам взрослых было понятно – происходит что-то нехорошее. И дело не в деньгах, квартирах и счетах, тут что-то другое. В это время девушка закончила говорить и положила на стол папку с документами:

– Здесь все подготовлено мной для нотариуса. Ознакомьтесь, пожалуйста, и, знаете, что я думаю? Пусть наследство оформляется на кого-то одного. Остальным лучше отказаться, это облегчит разные сложности. Потом все разделите, в документах проставлены предварительные суммы. Поверь-

те, так будет лучше. Через неделю я вам позвоню, и мы договоримся о новой встрече.

Отец взял в руки папку и сказал, что, если так будет лучше, то никто и не против, только чтоб без обмана!

– Николай, подай мне документы, – приказала бабушка. Она углубилась в изучение бумаг, и в комнате воцарилась тишина, длившаяся довольно долго.

Наконец девушка не выдержала:

– Мы предоставляем вам достаточно времени для изучения всех документов и наших предложений.

– А мы и не собираемся ничего изучать, – парировала бабушка, – этим займется наш адвокат. Он сам свяжется с Вами. Позвольте Вашу визитку.

Я смотрела на происходящее, раскрыв от удивления рот. Обычно так говорят герои сериалов, которые идут по телевизору бесконечно, и их так любят смотреть женщины старшего возраста. Отец ничего не хотел знать и делать по вопросам наследства, и поэтому бабушка приняла все решения сама. У нее были денежные сбережения, копившиеся долгие

годы, и она вызвала адвоката из Москвы. Да не первого попавшегося, а одного из тех, чье лицо часто мелькало в различных телевизионных программах, а имя было известным на всю страну. Едва увидев своего визави, молодая адвокатесса смутилась так, что, казалось, потеряла не только дар речи, но и способность мыслить. Все закончилось быстро и мирно. Спустя положенный срок бабушка получила свою долю наследства, которой стала распоряжаться "с умом":

– Катерине учиться надо будет, а нам еще и приданое ей готовить. Так что на эти деньги рассчитывать не будем.

Спорить никто не собирался, а отец заявил, что он будет работать еще больше, чтобы его семья не нуждалась.

– Галина работает не меньше тебя, устает очень, да еще дома все делает, – возразила бабушка.

Чтобы деньги не пропали, мы купили квартиру в хорошем районе, с ремонтом, чтобы потом ее сдать квартирантам. Не доверяя банкам и боясь какой-нибудь денежной реформы, бабушка присмотрела еще и дом в деревне. Добротный, с большим садом, он понравился нам сразу. Отец не любил ездить в деревню – он "отдыхал" другим способом. А мне и маме там было хорошо. Как раз из деревни и вернулась бабушка, в разгар происходящих скандальных событий у нас

дома. Утихомирив отца при помощи скалки и дождавшись, пока он уляжется в спальне, бабушка немного послушала его бормотание и тяжело вздохнула. Весь вечер мы обсуждали, как быть дальше. Точнее, что делать со мной. Я несколько раз пересказывала одно и то же, отвечая на бесконечные вопросы: как все произошло? Зачем я одна куда-то пошла на ночь глядя? Что делала в это время моя подружка? Какая это была машина и как я могла сесть в нее к незнакомому человеку? Моя легенда была давно отработана и полностью поддерживалась подружкой. Впрочем, с ней мы уже не общались так близко – ее родители заявили, что "дружить с этой Катькой нельзя!"

То, что их дочурка уже два года спит с разными парнями и принимает от них любые подарки – от шоколадки до небольшого количества денег, не имело значения, ведь об этом же никто не знал. Я была не из тех, кто выдает чужие тайны. Отец подружки беспробудно пил, зарабатывал мало, и его часто выгоняли с работы. Находясь в бессрочном отпуске дома, он становился злой, требовал денег на бутылку водки или стаканчик вина в "рюмочной", и, если ему было отказано, награждал тумаками жену и детей.

Пить и драться было обычным явлением в нашем дворе, и на это серьезного внимания никто не обращал.

Наконец бабушка вынесла свой приговор:

– Никакого аборта! Родит спокойно, с ребеночком помогать будем. Я уж точно сидеть с ним могу, силенок хватает пока. А тебе, Катерина, учиться надо, институт закончить обязательно. Из-за какого-то гада жизнь портить единственной внучке не дам! Колька, негодяй, руку на ребенка поднял. Ну, пусть только попробует еще один раз хоть пальцем...башку ему отрублю. Так и отлетит к чертовой матери! И ты, Галина, хороша. Почему за дочь не заступилась? Хватит уже его бояться, отпор надо дать как следует – и он притихнет. Это они смелые, пока в ответ по харе не получают.

Бабушка сердито закурила очередную сигарету и на мамино робкое замечание, что Коля, в общем, хороший, только иногда от пьянки как зверь делается, резко ответила:

– А на зверя есть рогатина!

Постепенно у нас в доме все наладилось. Отец смирился, что "Катька в подоле принесет скоро", и даже вопрос, что теперь скажут его друзья, больше не имел никакого значения.

– Какие еще друзья? – грозно спросила бабушка, – пьянь твоя из рюмочных?

– Ты, мать, это зря... Они тебя, знаешь, как уважают? Вот Петровна, говорят, это – человек! И во дворе так все думают.

Бабушку, действительно, многие побаивались. Она не лезла за словом в карман, вмешивалась в скандальные ситуации и разборки, выступая в роли какого-то третейского судьи. Петровна – так обычно называли ее во дворе – являлась самым настоящим авторитетом, и мне заранее было стыдно оттого, что внучка такого уважаемого человека скоро опозорит семью, родив в пятнадцать лет ребенка без мужа. Но наша Петровна так не считала. Она несколько раз повторила, что рождение человека никогда еще позором не было. И не будет.

И если кто посмеет хоть как-то высмеять меня или слово дурное сказать, то он будет иметь дело с ней лично.

Бабушка забрала мои документы из школы, где я училась, и мы отнесли их в школу вечернюю, куда меня с радостью приняли, едва завидев оценки. Было решено, что учиться я буду до Нового года, а дальше видно будет. Ведь роды для пятнадцатилетней девочки испытание слишком серьезное. Во дворе обо мне ходили разные слухи, но никто ничего толком не знал. Остаток лета я провела с бабушкой в деревне и почти ни с кем не общалась. Да и не больно-то хо-

телось, если честно. У меня скоро должна была начаться совершенно другая жизнь, к которой я и готовилась потихоньку. Страшно мне не было нисколько. Поддержка родных сделала свое дело – я не боялась материнства, даже такого раннего. Детей я любила всегда, а своих двоюродных братишек просто обожала до безумия. После гибели семьи тети Светы я тосковала по ним по всем, но веселые мальчишки-близнецы стали для меня на всю жизнь незаживающей раной. Первое время после трагедии я как будто окаменела и горе переносила с большим трудом вместе с Кнопкой. Бедная такса выла несколько дней подряд, а потом почти год сидела в коридоре у входной двери, и в ее несчастных глазах читался один вопрос: когда?

На городском кладбище бабушка поставила памятник погибшим родным. Могила была большая, и наша Петровна взяла с нас троих слово – похоронить ее именно в этой могиле. Это мое завещание вам, строго сказала бабушка. Вместе с ней я часто ездила на могилу, в которой никто не лежал. Там я рассказывала шепотом свои новости тете Свете и братишкам, глядя на их общую семейную фотографию. Когда бабушка узнала о моей беременности, то запретила мне посещать кладбище. Первое полугодие я закончила на "отлично". В вечерней школе учиться было намного легче, чем в обычной. В классе у меня появились две новые подружки, с

которыми я иногда ходила гулять. В третьей четверти я не проучилась ни одного дня. После новогодних каникул меня положили в роддом, в отделение патологии, и вскоре я родила девочку.

– Два килограмма шестьсот граммов, сорок девять сантиметров, – повторяла я про себя как молитву, желая поскорей увидеть дочку. Мое сокровище принесли вечером, и сердобольная медсестра помогала мне справиться с первым кормлением. Через неделю нас выписывали домой, и у меня больно сжалось сердце – у моей дочурки никогда не будет папы. Малышку передали на руки моему отцу, и впервые за долгие годы я увидела, что у него увлажнились глаза.

Мама и бабушка взволнованно топтались рядом, требуя держать ребенка пониже – они никак не могли наглядеться на личико в бело-розовом кулечке.

Дома меня ждал красиво накрытый стол, торт со свечами, новые мягкие игрушки.

– С днем рождения, Катюша, – Петровна тоекратно поцеловала меня, – будь здорова и счастлива!

– Буду, бабуля, – бодро ответила я и присела за стол. В этот день мне исполнилось шестнадцать лет.

Я – мама! Для меня эти слова не сразу стали понятны в полной мере. Осознание того, что у меня есть ребенок, за которого я отвечаю в жизни, приходило постепенно. Я очень хотела быть хорошей мамой и старалась изо всех сил. Я возилась с дочкой день и ночь, почти не спуская ее с рук, рассказывала ей сказки, показывала звезды на небе и делала, наверное, еще много подобных глупостей.

– О-хо-хонюшки, – вздыхала бабушка, глядя на меня, – правду говорят, что первый ребенок – последняя кукла.

Учиться мне не очень хотелось, но наша строгая Петровна бдительно контролировала этот вопрос. Она сходила несколько раз к директору школы, и та вникла в нашу сложную ситуацию – мне установили что-то вроде свободного посещения. Только обязательные контрольные и проверочные работы я должна была писать в классе, как все. Отличницей я больше не была, но и ни одной тройки не получила. Учеба всегда мне давалась легко, несмотря ни на что. Весной я часто вывозила дочку в коляске на улицу, и мы долго гуляли по нашему двору и близлежащему скверу. Прохожие с любопытством оглядывали нас и, скорее всего, думали, что я катаю свою сестренку. Роды меня несколько не изменили, к моему огорчению. Я никогда не была красавицей, скорее наоборот: долговязая, с чересчур худыми руками и ногами. Нос у меня был длинноват, губы слишком тонкие. Наверное,

с помощью косметики и макияжа, которые иногда творят чудеса, я смогла бы выглядеть намного лучше. Но мне не у кого было учиться этому. Моя мама почти не пользовалась косметикой, а бабушка в своем возрасте вообще не думала об этом. Я видела, что из гадкого утенка не получилось прекрасного лебедя, хотя все говорили, что я похорошела после рождения дочки. Я делала вид, что верю. Дворовые старушки ласково улыбались мне при встрече, делали комплименты, желали всего хорошего мне и дочке. Я искренне улыбалась в ответ и радовалась, что люди меня не осуждают. Но однажды, затолкав коляску со спящей дочкой в подъезд, мне пришлось вернуться – с коляски упала игрушка.

– Ходит, как будто все хорошо, – прошамкал чем-то голос, – все теперь, пятно на всю жизнь, сама себе посадила, позорище!

– И не говори, – радостно подхватил кто-то, – кому нужна кобыла с чужим жеребенком?

Застыв на месте, я слушала, как меня обсуждают бабушки-соседки, как им приятно видеть "эту одиночку, у которой ни рожи ни кожи, а теперь еще и с дитем! так и будет одна маяться всю жизнь..." Проснувшаяся Ленка улыбалась мне, и я, сглатывая слезы, взяла дочку на руки и осторожно прижала к себе.

Поднимаясь на свой второй этаж, я подумала, что кобыла с чужим жеребенком была бы всем в радость, а не нужны друг другу только люди. И если раньше я надеялась, что мне еще может встретиться человек, который полюбит меня и примет Ленку, а именно так часто говорила бабушка, то теперь я была убеждена в том, что такого просто не может быть. Кобыла с чужим жеребенком...

Вот так в шестнадцать лет я узнала цену своей жизни и поклялась, что мне, кроме доченьки, никто не нужен. Никто и никогда! А она будет счастливой, моя Ленка, еще как будет! И опровергнет народную глупость – "Не родись красивой..."

Хороша, как ангел небесный – так сказала про Ленку Петровна, и оспорить этого было нельзя. Еще в роддоме я услышала впервые – "какая куколка родилась у этой малолетки", а потом быстро бегущее время только доказывало сказанное кем-то из медперсонала. Моя дочка была не просто хорошенькой и симпатичной, как все малыши. Она была красавицей в прямом и полном смысле слова – большие голубые глаза, очень черные ресницы, светлые волосы колечками. К пяти годам это был очаровательный ребенок, на которого часто обращали внимание даже незнакомые люди. Наши ста-

рушки, которые прочно подсадили меня на комплекс "кобылы с чужим жеребенком", были вынуждены признать Ленку первой красавицей не только в нашем дворе, но и далеко за его пределами. Мои родители и бабушка души не чаяли в Ленке, а я любила ее до безумия и однажды поняла – жизнь дочери дороже мне моей собственной.

И, если понадобится, я смогу убить за нее. Дочка росла любознательной, схватывала все на лету и что-то новое запоминала настолько быстро, что нам оставалось удивляться. В пять лет она читала по слогам, но здесь я опережала ее – в свои пять я читала уже хорошо. Волей-неволей, но дома Ленку то и дело сравнивали со мной, и мне это не было приятно, не знаю, почему. По многим "показателям", по мнению Петровны и мамы, я находилась "впереди" дочки.

Бесспорно было одно – ее красота, и здесь моя Ленка опережала большинство своих сверстниц во дворе, в детском садике, в деревне, куда она ездила с нами с удовольствием. А обо мне и говорить было нечего – гадкий утенок и близко не мог сравниться с подрастающим прекрасным лебедем.

Дома у нас стало получше. Отец работал много и почти не отдыхал – не ходил в отпуск и часто брал подработки, а на его стройке это только приветствовалось.

Мама работала иногда без выходных, ведь в кондитерском цехе никогда не бывает лишних людей. Отношения у моих родителей стали хорошими, и все благодаря появлению внучки. Отец выпивал, но намного меньше, и почти не ругался с мамой. Ей это казалось настоящим счастьем, особенно когда по вечерам он звал ее посмотреть телевизор – им обоим нравился КВН. Они смотрели эту передачу, отец громко смеялся, а мама улыбалась, и они грызли семечки. Такое семейное счастье казалось мне непонятым, но каким оно должно быть на самом деле, я не знала. Когда мы чего-то не знаем, нас вполне устраивает то, что есть. Эта истина открылась мне недавно и стала каким-то жизненным правилом.

Я только что закончила торгово-экономический институт и подыскивала себе место работы. Выбор был – страшные времена безработицы и всеобщего хаоса миновали, но бабушка убедила меня сначала отдохнуть как следует в деревне:

– Леночке свежий воздух нужен да продукты настоящие. И ты, Катерина, отдохнешь хоть немного. Смотри, высохла вся, с экзаменами твоими. Кроме ребенка, ничего видишь, ничего не хочешь. Разве это жизнь?

Я напрасно убеждала бабушку, что живу хорошо, дочка подрастает, вот в школу в этом году уже пойдет. Вырастет, выучится, замуж выйдет.

– Катерина, – ахнула бабушка, – ты говоришь, как будто тебе лет пятьдесят. Ну, или сорок! Ты молодая девушка, двадцать три года всего, тебе о личном думать надо. Ты еще встретишь свое счастье. Я обняла мою любимую Петровну и сказала ей на ухо, что счастье у меня есть. Вот оно, моя красавица-доченька. И ничего мне больше в жизни не надо, никакого другого счастья! У меня все есть.

Бабушка только вздохнула в ответ. Переехали мы в деревню быстро, и в тот же день вечером уже покупали домашние продукты у соседей, державших большое хозяйство. Деревенские молоко, масло, сыр, сметана, творог не идут ни в какое сравнение с продуктами в магазинах городских, и мы возвращались домой веселые, в предвкушении шикарного ужина. Отпирая калитку, я обратила внимание на дочку. Она была грустная, а на ее густых ресницах висели непролившиеся слезы.

– Ты что, Ленок? – ласково спросила я, – что случилось?

– Собачку жалко, мамочка, – прошептала дочь, – ей так

плохо там, тесно, ни поиграть, ни побегать...

Я поняла, о чем говорила Ленка. У соседей, от которых мы только что вернулись, во дворе была привязана собака. Огромное лохматое чудовище, ростом не меньше самой Ленки, сидело на привязи. Толстая цепь длиной чуть больше метра и большая будка – вот и все, что имелось у псины для жизни и отдыха. Когда мы вошли во двор, собака кидалась во все стороны, но слишком короткая цепь не давала ей сделать это по-настоящему. После окрика хозяина пес присмирел, но, продолжая стоять, грозно рычал и смотрел на нас подозрительно. Вот о чем переживала сейчас моя дочь.

– Не надо плакать, Леночка, – успокаивала я девочку, – Вулкана кормят хорошо, любят, видишь, какой он ухоженный.

Петровна, узнав, в чем дело, заметила:

– Иии, милая, нашла о чем печалиться! Он другой жизни не знает, и эта ему кажется нормальной. Так что не плачь и не грусти, с собачкой все в порядке!

Она взяла Ленку за руку и повела в дом, рассказывая, каких они сейчас вкусных сырников приготовят и кашу-малашу сварят. Глядя им вслед, я повторила про себя бабушкины

слова – он другой жизни не знает, и эта для него нормальная. У меня тоже все было хорошо. Ведь я не знала никакой другой жизни...

Первое сентября стало волнительным для всей нашей семьи. Ленка пошла в школу, и мы очень боялись, как она там будет. Школа находилась не близко, потому что мы искали сильную, с каким-нибудь "уклоном". Набор шел на основе специального тестирования, и Ленка не подвела – из двадцати возможных баллов набрала девятнадцать с половиной. Это считалось высоким результатом, и мы долго хвалили нашу умницу. В течение двух часов она отвечала на вопросы, рисовала, считала, пела, и было еще много различных заданий, оценивающихся по 0,1 – 0,5 баллов, а затем общий подсчет результатов. До этого я и не подозревала, насколько серьезными являются испытания для таких маленьких детей, но моя дочурка все выдержала достойно.

Полетели дни, один за другим. Я работала в крупном торговом объединении, и мне нравилось все, а особенно то, что там можно было продвинуться по службе. Не сразу, конечно, но, как говорится, лиха беда начало. По вечерам мы с Ленкой учились вместе – она делала уроки, а я изучала изменения в законодательстве, просматривала документы, имеющие даже отдаленное отношение к моей работе. Мне всегда хотелось много знать и во всем разбираться. Вообще, читать я начала рано, и к девяти годам перелопатила почти всю детскую литературу.

В десять лет мне попался Стефан Цвейг, но тогда я смогла осилить только новеллы. Впервые я задумалась серьезно о жизни, о любви, об отношениях людей. Я смотрела на своих родителей и понимала, что с ними что-то не так.

В дальнейшем я читала все, что попадалось, без разбора и сочиняла свой собственный мир. Каким он получался, я не знала, мне не с кем было поделиться своими мыслями, посоветоваться, задать первые подростковые вопросы. И особенно вопросы о любви. В тринадцать лет я сделала попытку и спросила об этом маму. Я уже была девушкой, в физиологическом смысле, и решила, что стала совсем взрослой. Да еще с таким "багажом" знаний из всевозможной литературы. Мама на вопросы о любви отвечала – вырастешь, сама поймешь; не рановато ли такие вопросы задавать; вот от мальчиков надо держаться подальше. От мальчиков в то время я и так держалась далеко, а насчет "вырастешь, поймешь сама" я не соглашалась. Мне хотелось взрослеть, зная хоть что-то о любви, а не вырасти и только потом вникать в эти вопросы.

Мама была непреклонна, но я оказалась настырной и спрашивала ее еще не один раз. Наконец, мама, рассердившись, воскликнула в сердцах:

– Катя, да какая любовь? Какая у нас любовь? Счастье? Пришел отец трезвый, вот и счастье. Не ругается, конфет нам принес – вот тебе и любовь. Он хозяин в доме, деньги зарабатывает. Пьет иногда, да кто ж сейчас не пьет? Сама знаешь, как оно было, когда все враз развалилось. Была страна, все у всех хорошо, а наутро конец настал! Всему конец. Хорошо, живы остались, и отец не спился совсем, как другие.

Я понимала, о чем говорила мне мама. После распада огромной страны тяжело сделалось везде, и улучшение пришло не скоро. Тогда отец начал сильно пить, как многие, и мама терпела это, а бабушка боролась изо всех сил, спасая своего сына и нас. Рождение Ленки изменило все: сначала отец перестал заходить в рюмочную, а потом и вовсе стал пить только по праздникам да изредка в выходные.

– Перед внучкой стыдно, – говорил он, а мама и бабушка улыбались, радуясь происходящим переменам.

Мы с дочкой делали успехи – я на работе, она в школе, и Петровна нарадоваться не могла на нашу семью. Огорчало всех только одно – мое одиночество, в смысле, отсутствие рядом со мной мужчины.

– Катерина, ну неужели тебе никто не нравится? На работе много мужчин, парней, сама говорила, – допрашивала меня бабушка, – ну как ты без мужика будешь? Это нехорошо. Ненормально. Женщине одной не пробиться, не устроиться как следует.

– У меня все в порядке, бабушка. С работой справляюсь, меня хвалят, и премии постоянно получаю. Леночка хорошо учится, восточными танцами успешно занимается, что еще мне надо?

Но Петровна качала головой и продолжала пилить меня потихоньку, желая, чтобы я "нашла себе хоть кого-нибудь". Я и сама была бы не против мужчины в моей жизни. Но взять его было неоткуда: вокруг меня наблюдались либо женатые, либо озабоченные одним только сексом. Серьезного спутника жизни повстречать было невозможно даже в теории, а еще я все время помнила, что кобыла с чужим жеребенком никому не понадобится. Разве что провести с ней время, получая удовольствие. Изредка я ходила на свидания и несколько раз пыталась познакомиться с парнями в интернете, но у меня ничего серьезного не вышло. Но и переживать мне не было причины. Насмотревшись на подруг и знакомых девушек, чьи браки распались, не просуществовав и года, я не завидовала белому платью и фате. Иногда хотелось чего-то подобного, но так, отстраненно. Ничего серьезного, просто

мысли. Вот моя дочка когда-нибудь станет невестой и будет самой красивой, в этом я не сомневалась ни капельки! У нее будет любовь, семья, муж и дети. У нее будет все, о чем мне когда-то говорила тетя Света. Так в свои двадцать пять лет я не знала, что такое любовь. И есть ли она на белом свете. Скорее всего, нет.

Ни имея никакой личной жизни, я стала задумываться о карьере.

– Я хочу второе высшее получить, – объявила я, встретив удивленные взгляды родителей и бабушки. В кои-то веки мы все собрались на выходные в деревне. У Ленки были каникулы, и они с Петровной жили там с начала лета.

– Правильно, – сразу же одобрили родители, а бабушка спросила – на кой тебе это? Все равно начальником не будешь никогда, зачем мучиться зря да деньги тратить?

Петровна никогда ничего не жалела для нас, просто ее крестьянская хозяйственность и расчетливость всегда брали верх.

– Бабушка, я как раз и хочу это для карьеры. Года через три я зам.начальника отдела могла бы стать, но желающих много на это место. И то, что я лучше других работаю и

ошибки за всеми исправляю, не имеет особого значения.

Это было правдой, у нас на работе я хорошо видела, кого и как продвигают по службе. Грустно, но карьера почти не зависела от профессиональных качеств, знаний или опыта. Я подала документы в юридический институт. Второе высшее было платным, но учиться мне предстояло всего три с половиной года.

Я продиралась сквозь дебри законов, и это было нелегко. Но я старалась.

Мне были нужны знания, а не просто "корочки".

Год пролетел незаметно, вновь наступило лето. Бабушка очень хотела, чтобы все вместе мы хоть немного пожили в деревне. Это получилось – впервые за много лет. Одна неделя, но зато какая! Родители катались на лодке вдоль берега, а Ленка встречала их на берегу с охапкой полевых цветов. По вечерам мы сидели во дворе, пили чай, разговаривали, а Ленка прыгала неподалеку с мячом. Я любовалась дочкой, мысленно благодаря Бога за такой подарок в жизни. Здоровье, красота, ум, любовь – все самое хорошее сошлось в образе моей прелестной дочери. Но у меня иногда сжималось сердце в тревоге за Ленку, за ее судьбу. Я вообще

в последнее время была беспокойной, нервничала без причины, несколько раз плакала втайне от всех.

– Вот чтоб почаще нам всем так собираться! Отдыхать тоже надо, – говорила Петровна, собирая родителям сумки с гостинцами, – приезжайте по выходным. Вот каждую неделю! Ждать вас будем.

– Нет, мать, какие выходные? – отмахивался отец, – объект сдаем скоро, следующий мой отдых только зимой!

Проводив родителей на автобусную остановку, мы с Ленкой вернулись домой.

– Мамочка, ты не уезжай от меня, никогда не уезжай, – бормотала дочка, прижимаясь ко мне и чуть не плача.

– Ты что, моя хорошая? Успокойся, – говорила я, стараясь отвлечь чем-нибудь Ленку, которая плакала уже по-настоящему. – Ну перестань, не плачь, у меня еще неделя отпуска, целых семь дней!

В ответ дочка вздохнула:

– Почему они уехали? Мама, почему?

Я не стала объяснять дочке то, что ей самой было хорошо известно. Наверное, ей было известно что-то еще. Или она чувствовала все заранее, такое бывает иногда. Через неделю мы хоронили отца. Ему стало плохо на работе, и он умер до приезда "Скорой".

– Тромб, – коротко сказал врач-патологоанатом, выдавая справки.

Занимаясь похоронами, я все время думала об отце – как он жил, о чем думал. Была ли у него мечта? Познал ли он любовь и счастье? Меня не покидало чувство вины перед ним. Родив дочку в пятнадцать лет, я повесила все проблемы на шею родителей. А они и бабушка дали мне возможность выучиться в школе, институте и даже сейчас получать второе высшее образование. Из-за моей платной учебы отец вместо отпуска вышел на работу. Он вообще всегда много работал и не умел отдыхать. Он жил именно такой жизнью, не зная другой, и все ему казалось нормальным. Когда человек чего-то не знает, его устраивает то, что есть...

Время шло, а мама все никак не могла опомниться и прийти в себя. Потеряв мужа, она потерялась сама. Ее почти ничего не интересовало; даже работа, которой она посвятила много лет, не привлекала ее, как раньше.

-Тоска заест Галину, – печалилась бабушка, – уйдет за Николаем, ничего мы не сделаем.

– Может, ей в больницу нужно? – спросила я растерянно.

– Не знаю, может, и нужно.

Ленка тоже не могла отвлечь маму от горьких мыслей. Получив диплом юриста, я ждала, что меня повысят в должности, хотя бы до зам.начальника отдела. Но на это место взяли юнца с замысловатой записью в дипломе ведущего Московского ВУЗа. Несмотря на такое знатное образование, парень работал из рук вон плохо, да и не особенно разбирался в том, что делал. Я по-прежнему тащила на себе основной груз работы отдела, составляла отчеты, ездила с ревизиями, но большие премии и хвалебные отзывы доставались юнцу. Ситуация была мне неприятна, но я пока не знала, как это исправить. В последнее время я часто ездила в командировки, которых обычно избегала из-за Ленки. Началось лето, и мои любимые дочка и бабушка уехали в деревню. У Ленки там было много друзей, а Петровна всегда считала город страшным злом в жизни. Мы с мамой наездами появлялись у них в гостях, чаще по отдельности, потому что мама работала по скользящему графику, а я имела четкую пятидневку. Но однажды мы провели все вместе отличные выходные.

Чем только не заставляла нас заниматься Ленка, большая выдумщица на развлечения! К вечеру, когда мы устали и хотели отдохнуть, дочка ухватила меня за руки и потащила играть в волейбол. Я вообще любила игры с мячом, а волейбол особенно. Наигравшись вволю, мы вернулись домой очень веселые и довольные. Ленка первая заметила неладное:

– Мам, буля с бабушкой расстроенные, случилось, что ли, что-то без нас?

Ленка с раннего детства и до сих звала их так: булей – Петровну, а бабушкой – мою маму. На мои вопросы Петровна сказала:

– Все одно и то же. Сердце она себе надрывает, Николая забыть не может. Во сне стала его видеть. Ох, беспокойно мне что-то...

В воскресенье мы с мамой уезжали домой. Ленка насупилась, а Петровна всплакнула украдкой и шепнула мне, чтобы я заставила маму сходить в больницу. У нее постоянно повышенное давление, а она даже таблеток не пьет. В больницу мама не пошла, а заставить ее сделать это я не могла – срочные отчеты требовали моего постоянного присутствия на рабочем месте. Мама купила таблетки по чьему-то совету

и стала пить травы.

– Мне лучше, – твердила она, – Катя, не переживай, все хорошо. В субботу в деревню поедem, я Леночке подарок приготовила.

Ночью маме стало плохо, и "скорая" увезла ее в больницу. Я дождалась лечащего врача, но ничего утешительного не услышала. Болезнь оказалась запущенной, и я, не зная, что делать, мучилась безнадежностью, молилась в отчаянии и надеялась на лучшее. В конце августа мамы не стало.

Помня мамино состояние после смерти отца, я очень старалась не потеряться.

Я нужна Петровне и дочке. Теперь они стали смотреть на меня как на главного человека в жизни. Мне было тридцать три года, а по ощущениям как будто сорок или все пятьдесят. Хотя я не знала, как и чем живут женщины в этом возрасте. Но так сказала Петровна еще лет десять назад и была, наверное, права.

Закончив школу, Ленка поступила в университет на специальность "Реклама и связи с общественностью". В ближайшем феврале ей исполнится восемнадцать, и я не могла по-

верить, что у меня такая взрослая дочь. У моих сверстниц дети учились еще в школе, а мои немногочисленные подруги шутили, что еще чуть-чуть, и я стану счастливой бабушкой. Я смеялась над их шутками, но про себя молилась, чтобы у моей дочки все сложилось хорошо. Чтобы она не допустила ошибок в жизни, выучилась, нашла себе достойного спутника жизни. Она училась в Техническом университете, и лиц мужского пола там было хоть отбавляй. Прибегая домой с занятий, она рассказывала Петровне и мне, сколько парней назначили ей свидание, как на нее обращают внимание мальчики с разных курсов.

– Мне не нравится никто, – морщила Ленка свой хорошенький носик, – они все какие-то не такие...

У них с Петровной начинался обычный разговор о мужчинах, молодежи, вообще о жизни. Я слушала и любовалась моей красавицей дочерью. Длинные волнистые волосы, свежее юное личико с большими голубыми глазами и черными ресницами, пухлые розовые губы – Ленка употребляла совсем мало косметики. Она ей была не нужна в количестве, которое используют девушки, "делая" брови, глаза и ресницы. У них сначала видишь искусственные краски, а потом только внешность. У моей Ленки были все наоборот: в глаза бросалось ее хорошенькое личико, милая улыбка, а потом приходило удивление, что ее красота естественная.

Мне очень нравилось, что моя дочка отличалась от современных размалеванных куколок.

– Смотри, Елена, – говорила Петровна строго, – не будь вертихвосткой. Береги свою честь. Знаешь поговорку...

– Знаю, буленька, – перебивала бабушку Ленка, вертящаяся перед большим зеркалом в прихожей, – "Береги платье снову, а честь смолоду", ты мне ее с детства говоришь!

И Ленка, подлетая к Петровне, с размаху обнимала ее и заговорщицки произносила:

– У меня будет одна, но пламенная страсть!

Они весело смеялись, а я, чувствуя в эти минуты неловкость, смеялась тоже. Незадолго до совершеннолетия дочки нам пришло радостное известие – мы получили квартиру. Старые двухэтажки, где мы жили, давно были признаны аварийными, и расселить нас должны были еще лет десять назад. Но все произошло только теперь, и бабушка переживала, что квартира была бы намного больше, если бы Николай и Галина были живы. Переезжать решили в начале мая. Я хотела купить новую мебель, но бабушка воспротивилась:

– Оттуда тебе на работу далеко ездить. Машину давай покупай, присмотри подержанную, недорогую. А там посмотрим.

Петровна была абсолютно права, и я посоветовалась на работе с коллегами. Один взялся мне помочь, и мы несколько дней просматривали в объявлениях рубрику "Не бита, не крашена, один хозяин". Покупка автомобиля вызвала бурный восторг моей дочки, а затем состоялся переезд в новую высотку быстро растущего микрорайона. Шестнадцатый этаж "башни"-двадцатиэтажки, три работающих лифта, цветы в подъезде на подоконнике – все это произвело на нас впечатление. Сдавшая сессию Ленка не рвалась в деревню, а я боялась отпускать туда Петровну одну. Бабушка плохо ходила, ей надо было постоянно мерять давление, следить, чтобы она пила вовремя лекарства. Я с трудом уговорила дочку побыть в деревне хотя бы пару недель, а потом я возьму отпуск. У Ленки была своя жизнь, какие-то новые интересы, и я с грустью думала, что когда-нибудь у нее появится любимый мужчина, и нам с Петровной останется совсем мало места в ее сердечке. Пожить в деревне, как раньше, не получилось. Бабушка стала часто болеть, ходила с большим трудом, опираясь на трость, и к нам в дом зачастили врачи. Ездили мы и сами по больницам, в том числе посети-

ли много кабинетов в платных клиниках, хотя Петровна ругалась, утверждая, что медицина у нас должна быть полностью бесплатной. Аномальная жара, стоявшая почти все лето, сделала свое черное дело – у бабушки случился инфаркт. В какой-то тяжелой форме, я о подобном ничего не знала и сейчас испуганно слушала врача, который монотонно разъяснял мне суть проблемы. Готовиться предстояло к самому худшему, это без вариантов. Два-три тяжелых месяца впереди, у таких больных большое количество лекарств и облегчения немного. Понадобится терпение, понимание, возможно, все закончится и раньше. Я глотала слезы и переспрашивала доктора, одно и то же по нескольку раз – может, какие лекарства нужны? Из-за границы? У меня есть возможность, или здесь, на месте, назовите любую цену!

– Мне очень жаль, – повторил лечащий врач, избегая моего взгляда, – на следующей неделе мы ее выпишем, ухаживать будете дома.

Наступили тяжелые дни. Бабушка почти не вставала с постели, и я видела, что все сказанное доктором правда. Сколько же осталось Петровне быть рядом с нами? Закрывшись в ванной, я рыдала навзрыд. Кулаками, прижатыми к губам, я заталкивала боль и горе в себя, стараясь сдержать свой крик отчаяния. Бабушке становилось хуже день ото дня. Она не

могла нормально ни сидеть, ни лежать. Спать, очень недолго, получалось в состоянии полусидя. Ее мучил сердечный кашель, который усиливался даже в состоянии абсолютного покоя. Лекарства толком не помогали, как и предсказывал врач. Ухаживать за бабушкой как можно лучше – вот и все, что нам оставалось. Больше помочь нашей Петровне мы ничем не могли. На работе мне пошли навстречу и разрешили присутствовать всего по четыре часа. Даже на полдня мне было страшно оставлять Петровну одну, но другого выхода не было. Находясь с ней рядом, я много работала – по-прежнему составляла отчеты, проверяла документацию и разбиралась с почтой. Я все также отвечала за весь отдел, и новая юная начальница была довольна моей работой. Она всегда выглядела хорошо: ярко покрашенная и модно одетая. Ездила она на БМВ последней модели. Ее зарплату было не сравнить с моей, хотя я уже некоторое время числилась "исполняющей обязанности зам.начальника отдела".

Но думать о работе и дальнейшей карьере я сейчас была не в состоянии.

– Не плачьте обо мне, – говорила бабушка в минуты редкого улучшения своего состояния, – я пожила хорошо, хватит уже. Катерина, береги Леночку, завещание мое тебе. И помни, лежать я должна в могиле со Светочкой и ее сыноч-

ками.

Петровна ушла тихо, никого не потревожив. Ленка уехала на занятия, а я задремала незаметно для себя, сидя на стуле возле постели бабушки. Последние две ночи ей было особенно плохо, и мы совсем не спали. Очнулась я, как от толчка. Бросив взгляд на Петровну, я все поняла: она смотрела вверх спокойным взглядом, на губах – легкая улыбка. Ее рука была еще теплой.

Закрыв бабушке глаза, я упала на колени возле ее постели...

– Мамочка, как мы теперь без буленьки будем? – дрожащим голосом спросила Ленка, когда мы вернулись домой после поминок бабушки. – Девять дней прошло, а я все опомниться не могу. Как же плохо без нее!

Ленка долго еще всхлипывала, уткнувшись носом в мои колени. Я молча гладила ее длинные локоны, думая о том, что теперь у меня никого, кроме дочки, не осталось. Это мой ангел, мое счастье, моя гордость и самая большая радость. Я сделаю все, чтобы она была счастливой. Моя собственная жизнь кончена, и теперь я буду жить только ради дочки. Только ради нее одной!

Вопрос Ленка задала риторический, а для меня он вскоре стал самым серьезным, в прямом смысле слова. Как нам

жить с дочкой дальше в материальном плане, я представляла плохо. Уже после смерти отца мы оказались стеснены в средствах, но как-то старались держаться, не подавая признаков беспокойства. Мама и я много работали, а Петровна следила за домом в деревне, занимаясь там заготовками на зиму при помощи соседей. Конечно, не за "спасибо", но все у нас или почти все держалось на бабушке.

Сейчас, оставшись одна, я враз очутилась в вихре бесконечных проблем, которые не давали мне спокойно жить. Помимо оплаты двух квартир и содержания дома в деревне, у меня случились проблемы с автомобилем, и два раза подряд я гоняла ее в сервис, ужасаясь суммам в заказ-нарядах. Квартиранты оказались нечистоплотными и сбежали, не только не заплатив за текущий месяц, но и оставили сломанную микроволновку и сгоревший чайник.

Новых постояльцев я найти не могла и попыталась снизить цену, но ничего не добилась – квартира пустовала по-прежнему. Как всегда, дорожали газ, электричество, бензин, и я чувствовала, что еще немного, и случится катастрофа. Не желая пугать дочку, я молчала, мысленно продолжая искать выход. Мне уже дважды пришлось залезть в НЗ, оставленный нам Петровной с указанием: это строго на черный день. Кажется, у нас наступили черные дни.

Очередной вечер я провела в горестных мыслях в одиночестве – Ленка отпросилась гулять допоздна с подружкой. Завтра после работы съезжу на кладбище, решила я.

В трудные, тяжелые минуты я ехала к бабушке и тете Свете, к родителям. Посетив родителей, я устраивалась на скамью у могилы Петровны – даже здесь бабушка оставалась "главной", и просила совета, рассказывая ей и тете о проблемах. И когда позже меня посещали мысли по поводу сложностей в жизни, я свято верила, что это они дают мне подсказку, ведь тетя Света и бабушка стали моими ангелами-хранителями на Земле, я в этом нисколько не сомневалась. На следующий день я отпросилась чуть раньше с работы, придумав, что мне нужно срочно посетить доктора. Юная начальница обеспокоенно посмотрела на меня:

– Конечно, Екатерина Николаевна, идите. Я надеюсь, что отчеты мы сдадим вовремя, я уже готовлю список сотрудников и размер премиальных каждому персонально. Мы с Вами должны утвердить...

Я перестала слушать, что говорила мне девочка-руководитель. Я думала о предстоящей "встрече" со своими любимыми людьми. Идей и мыслей на кладбище у меня появилось немало, но все казалось мне несерьезным либо непра-

вильным. И что делать дальше? Неожиданно я подумала, что возглавлять наш отдел должна была я, а не эта юная девица со своими крепкими связями.

У нее зарплата намного выше, а все делаю и отвечаю за работу, по сути, я. Девчонка, правда, не скупилась на премиальные – я получала намного больше, чем другие сотрудники отдела. Но все это было не то.

Решение денежной проблемы обрело четкие очертания – мне нужно место начальника отдела. Для начала. Хватит мне в "замах" ходить! Я улыбнулась, подумав, что это и есть подсказка от тети и бабушки. Петровна всегда говорила, что мне надо найти кого-нибудь, ведь женщине одной не справиться, это нехорошо и неправильно – женское одиночество. Но сейчас эту мысль я развивала несколько иначе. Пару дней на работе я осматривалась и составляла план действий, но мне требовалась некоторая подготовка. В нашем огромном коллективе я снискала прочную славу "синего чулка"; про меня кто-то пускал дурацкие слухи – раз я не интересуюсь мужчинами, то понятно, кем я интересуюсь "на самом деле". У нас на работе вообще легко возникали версии, фантастические предположения и просто сплетни, и про меня в том числе. Несмотря на то, что я одевалась, как мне казалось, по моде, не жалея денег на духи, сумочки и кошельки, ме-

ня за глаза обвиняли в безвкусице и нарочно приписывали несколько лишних лет возраста. Надо были что-то делать, и очень срочно! Уже несколько дней я ходила в юбках покороче, блузках с глубоким декольте, но не замечала на себе ни одного заинтересованного мужского взгляда.

Меня это не огорчало – на внимание всех подряд я не рассчитывала, да оно и не было мне нужно. Подумав как следует, я сделала ставку.

Заместителем Генерального директора по режиму, внутренним вопросам и хозяйственной части у нас работал одышливый толстяк. Он был еще молод, что-то в районе сорока, но выглядел старше. Всегда в белой рубашке и черном строгом костюме, слегка скрывавшем его лишнюю полноту, с хорошим парфюмом, он пользовался успехом у нашей женской половины. На праздничных мероприятиях он оказывал внимание практически всем дамам, несколько раз пытался сблизиться со мной, но, получив злейший отпор, оставил меня в покое и сказал наутро в курилке:

– Эта Катерина, точно, бабами интересуется. Я сразу понял!

Толстяк был очень компанейским и, по сути, неплохим

мужиком, имел двоих детей и супругу старше себя на девять лет. Разное говорили про него, но одно было точно – он постоянно крутил романы с нашими сотрудницами. Старая жена ему давно надоела, утверждали злые языки, и я решила попробовать сойтись с ним поближе. Толстяк мог бы помочь мне продвинуться по карьерной лестнице, я на это очень надеялась. Никакого другого плана действий у меня не было, и я понимала, что пора приступать к задуманному. Но мне было страшновато. Я совсем не умела флиртовать, да еще страдала разными комплексами с юности. Я часто смотрела на Ленку, любясь ее яркой внешностью, и мои комплексы только возрастали в разы. Но пришли другие времена, и мне ничего не оставалось, как начать "охоту" на толстяка.

Целых три дня я следила за его перемещениями по нашему зданию, выясняла, где он курит, когда и с кем пьет кофе у автомата и куда ходит на обед. Мои старания не остались без внимания. Толстяк сначала насторожился, но вскоре расслабился и пригласил меня в сауну. Есть! Весь вечер я была в прекрасном настроении, и моя дочурка, недоумевая, поглядывала с интересом в мою сторону. Перед поездкой в сауну я очень волновалась. Во-первых, это должно было произойти в рабочий день, потому что толстяк выходные проводит исключительно с семьей. Похвально, подумала я, с уважением глядя на него.

Мне следовало отпроситься сразу после обеда, а он будет ждать меня на такси за углом.

– Смотри, не обманывай, – тяжело дыша, произнес мой будущий любовник, – я не прощаю такое. И не забываю.

– Вы не будете разочарованы, – тихо ответила я, – не волнуйтесь, пожалуйста.

Я произнесла именно эти слова, но понимала, что не хочу ехать с ним в сауну. Он мне не нравился совсем, и я не представляла, как вообще все будет.

К тому же у меня очень давно не было мужчины. Сначала я чувствовала себя ужасно. Мне предстояла близость с мужчиной, который был мне неприятен, мягко говоря. В сауне, наверное, светло, а еще я терпеть не могла пар. У меня горели щеки, я волновалась и не знала, как себя вести. Сауна оказалась красивой пристройкой к большому коттеджу. Нас встретила хозяйка, женщина лет пятидесяти; она показала нам помещение – две комнаты отдыха с кроватями и свежим чистым бельем, небольшой бар с красивым столиком и кожаными черными диванами, бассейн, парная и душ. Все было очень чистым. Шампуня на выбор, гели для душа, одноразовые мочалки. На стене в баре висела большая плаз-

ма, рядом часы и повсюду украшения и гирлянды, ритмично мигающие под приятные спокойные песни на английском языке. Везде царил полумрак, создавая обстановку интима.

– Это частная сауна, – сказал толстяк и улыбнулся, – тут бывают только близкие знакомые и друзья хозяев.

Я видела, как он расплатился за два часа нахождения здесь и сказал хозяйке, что, если нам этого времени будет недостаточно, то он доплатит еще. Боже упаси еще, подумала я. Выдержать бы эти два часа, но как? Тем временем мы разделись. Я сразу закуталась в большое полотенце, а мой толстяк остался в плавках. У него был с собой пакет, из которого он ловко извлек бутылку коньяка, две шоколадки, лимон и сыр, уже нарезанный тонкими ломтиками.

Надо выпить сразу много, приказала я себе. Чтобы не думать ни о чем, и чтобы не было стыдно. И еще почему-то я очень стеснялась. Странное дело: выпив много, я не захмелела нисколько. Наверное, сказалось мое напряженное состояние и чрезмерное волнение. Толстяк почти не пил, ему еще сегодня на совещании присутствовать и важные вопросы на работе решать. А меня он отправит домой на такси, так что я могу быть абсолютно спокойна. Я украдкой бросала взгляды на часы, каждый раз высчитывая, сколько мне еще предстояло мучиться. Однако все было не так уж страшно.

Толстяк оказался приятным собеседником, и мое волнение слегка улеглось. Незаметно он подсел ко мне поближе, обнял и осторожно стянул с меня полотенце. Я закрыла глаза, и, отвечая на его поцелуи, мысленно приказала себе относиться к происходящему как к работе. Да, все происходящее и есть работа. И если я буду хорошей сотрудницей сейчас, то, возможно, я понравлюсь моему неожиданному любовнику, и он поможет мне продвинуться по службе. Я заслужила место начальника отдела больше, чем кто-либо другой.

Усилием воли я заставила себя "вернуться" в настоящее. Толстяк, тяжело дыша, двигался намного медленнее, его лоб был покрыт крупными каплями пота.

Отпустив меня, он перевернулся на спину. Я вытерла полотенцем пот с его лица и приникла к нему. Плотно, до миллиметра. Теперь я целовала его лицо, губы, плечи. Целовала страстно, крепко, стараясь почувствовать хоть что-то. Я закончила начатое моим любовником, почти ничего не ощущая.

– Ты классная! Ты прелесть, моя девочка, – повторял он, а я рассматривала лежащего мужчину и говорила себе, что остался еще один час.

Всего один час моей новой "работы". Когда мы уже собрались уходить, я заметила, как толстяк открыл мою сумочку и что-то положил в нее.

– Ну как, тебе все понравилось? – спросил он.

– Очень! Ты супер, ты классный, – как можно более убедительно ответила я. – Если тебе было хорошо со мной, то, может, повторим?

Толстяк расплылся в довольной улыбке:

– Обязательно повторим. И не один раз! Я и не предполагал, что ты такая офигенная любовница!

Опьянела я уже дома. Добравшись до дивана, я упала на него, не раздеваясь, и очнулась, только когда вернулась Ленка.

– Мама, мамочка, что с тобой? Тебе плохо?

Дочка суетилась возле меня, пытаясь помочь, а мне со страшной головной болью хотелось тишины и покоя. Но не тут-то было!

– Мама, ты что, выпила? – до Ленки наконец дошла причина моей "болезни". – Зачем, мамочка?

– У коллеги внук родился, – поморщившись, ответила я, – Лен, в холодильнике торт, твой любимый. Иди, чаю попей.

Ленка приготовила чай, нарезала торт, заставила меня принять душ и усадила за стол.

– Мама, – торжественно-серьезно провозгласила моя дочурка, – ты знаешь, что пьяная женщина – незащищенная женщина! И с ней может произойти все, что угодно. Не пей больше никогда!

– Не буду! – произнесла я, стараясь не рассмеяться, – а откуда ты знаешь про незащищенность пьяных женщин?

– Так всегда говорила буленька, – пригорюнилась Ленка.

Петровна! Она воспитывала меня, Ленку, и даже сейчас, кажется, следила за нами. И была права, как всегда. На следующий день на работе я боялась встречи с толстяком и старалась не попадаться ему на глаза. Хотя, подбадривала я себя, чего это я должна стесняться? Женщина я свободная, что хочу, то и делаю. Это ему должно быть стыдно. Женатый, а гуляет.

– Екатерина Николаевна! – и я вздрогнула от неожиданности, – одну минуточку!

Толстяк догнал меня на лестнице и, ухватив под руку, отвел в сторону. Кругом были наши сотрудники, сновавшие туда-сюда с озабоченным видом, но на нас никто внимания не обращал – мы часто пересекались по работе. Толстяк задал мне пару вопросов о делах в отделе, а затем, чуть понизив голос, добавил:

– Екатерина Николаевна, я знаю, что ты женщина умная и не допустишь распространения слухов в коллективе. Про меня болтают много, и больше половины неправды. Внимания на это я не обращаю. Но с тобой – другое дело. Ты женщина одинокая, и наша связь бросится в глаза. А у меня семья, дети, жена. Мне неприятности не нужны!

Слушая это, мне сделалось неловко, и я покраснела, наверное, очень сильно.

Вернувшись в кабинет и выпив стакан холодной воды, я успокоилась. Надо продолжать начатое, чтобы добиться своей цели. А мне очень нужно место начальника отдела. Я чувствовала, что смогу этого добиться. Где-то в глубине души я

понимала, что унижаюсь в ситуации с толстяком, и мне было больно от этого. Но я затолкала поглубже эти мысли и чувства, убеждая себя, что не делаю ничего постыдного. Я лично знала несколько молодых женщин, замужних, семейных, и у некоторых даже были дети. А женщины эти гуляли, или, говоря попросту, завели себе любовников. У нас на работе было два таких "романчика".

– А что, девочки, делать? Муж много заработать не может, а мне теперь прозябать? Свекровь пилит – не требуй много, у твоего мужа две операции было. А ребенка к школе одеть, обувь надо; за платные уроки сколько денег требуют, да еще в фонд школы и класса! Где я столько возьму? А от меня не убудет, несколько раз в месяц встречаемся, мне он деньги дает. Помогает!

Это говорила высокая пышногрудая красotka из нашей канцелярии. Разговор этот состоялся в туалете, где обычно девушки вертятся у зеркала, прихорашиваясь и поправляя макияж. Когда я вошла, стайка молодых женщин выпорхнула в коридор, но вот эти последние слова я расслышала очень хорошо.

Любовником пышногрудой был один из старших специалистов, мужчина средних лет. Я ничего не знала о его семье,

и почему он завел любовницу, тоже. Ну, завел и завел. Вообще, как мне теперь было понятно, в жизни много изменяющих друг другу людей. Странно, подумала я. А как же любовь?

Которую я так и не познала и теперь мечтала об одном: чтобы она встретилась на пути моей доченьке. Настоящая. Взаимная. В которой нет места изменам. Пусть моя красавица будет самой счастливой – я часто молилась об этом.

Время шло, а я так и не приблизилась к заветной цели. Толстяк вел себя как обычно, не проявляя ко мне большого внимания. Навязывать себя было бы совсем неприлично с моей стороны, и кроме как ждать очередного приглашения, мне ничего не оставалось. Сколько еще ждать, в отчаянии подумала я. А вдруг ему надо только раз в месяц? Или вообще раз в полгода, а в остальное время он довольствуется своей старой женой? А может, это я плохая любовница? Наверное, я ему не понравилась совсем, хотя он дважды назвал меня "офигенной". Пошутил, должно быть. Я хорошо помнила, что в сауне чувствовала себя страшно неловко и была, как бревно. Или чуть-чуть получше. Но тут, наверное, кто-то "наверху" внял моим отчаянным просьбам: в понедельник с утра меня вызвал начальник кадровой службы.

– Екатерина Николаевна, примите мои поздравления –
Ваша кандидатура предложена на должность начальника отдела. Документы на подписи у Генерального, но скажу по секрету – вопрос практически решен!

Я была в хороших отношениях с нашим "кадровиком". Несмотря на педантичность и некоторую занудность, мне очень нравился этот высокий седовласый мужчина, а он ценил мои профессиональные качества. В растерянности я вернулась на свое рабочее место, обдумывая сразу с десяток вопросов. Юная начальница переводом уходила на другую должность, и мне надо было принимать от нее дела. Скорее бы, подумала я. Скорее бы вышел приказ о моем назначении! К вечеру новость о моем продвижении по службе знали практически все, и многие спешили меня поздравить. Но были и те, кто скептически поджимал губы и отзывался обо мне нелестно. Меня это совершенно не волновало – нельзя суметь понравиться всем без исключения. Главное, что у меня все получилось, причем без помощи толстяка! В этот же день я получила от него предложение встретиться, и, опьяненная своим новым успехом, не стала отказываться.

– На следующей неделе, – подмигнул мне толстяк, – во вторник, скорее всего.

Я ласково улыбнулась в ответ.

До вторника было целых пять дней, времени предостаточно, чтобы подготовиться к встрече. Мне больше не хотелось быть бревном. Я хотела оправдать сказанное толстяком про офигенную любовницу и стать ею по-настоящему. Я провела несколько вечеров в библиотеке, и смогла уговорить служащую сделать ксерокопии старинных книг "Тибетское искусство любви" и "Душистый сад". "Кама Сутру" и "Алхимию экстаза" мне удалось купить в магазине интимных товаров, куда я зашла, с трудом преодолев смущение.

– Наш магазин для тех, кто любит и ценит сексуальные отношения и хочет полнее наслаждаться ими, – вкрадчиво обратился ко мне продавец неопределенного возраста, – мы работаем с представителями известных брендов, и наш товар сертифицирован.

Наконец мне предложили посмотреть ассортимент по каталогу, и я, присев в глубокое удобное кресло, перевела дух. Больше половины товара мне казались ужасными, постыдными, и, помимо книг, я купила несколько афродизиаков для мужчин и женщин, массажные масла и гель для женщин. На большее меня не хватило, но продавец всучил мне каталоги и заверил, что будет очень рад новой встрече со мной. Они работают круглосуточно. Уже дома, рассматри-

вая свои необычные покупки, а затем каталоги, я испытала странное волнение, которое усилилось в разы, едва я открыла книги. Я с удивлением увидела фотографии – более тридцати позиций близости, и поняла, как много я не знаю. Я и понятия не имела, что означает "Круг", "Полумесяц", "Лепесток лотоса"; я узнала о "шестнадцати тропах удовольствия" и о нескольких способах орального секса.

Я начинала понимать, как можно усилить наслаждение мужчины. Вновь и вновь перечитывая книги и рассматривая фотографии, я приобретала все новые знания, и, наконец, почувствовала себя готовой применить все это на практике.

Скорее бы вторник, думала я, открывая книги и каталоги в любую свободную минуту. То, что я снова поеду в магазин интимных товаров, я уже не сомневалась. Продавец был абсолютно прав – с ростом культуры секса рушатся общепризнанные стереотипы. Наверное, это правильно, думала я, незаметно рассматривая мужчин на работе. И все больше мне хотелось близости с женщиной, с толстяком для начала. Мне открылась новая дорога в жизни, и пойти по ней хотелось как можно быстрее.

Уже некоторое время я встречалась с толстяком – то в саунах, то на съемных квартирах, и не могла сказать, чтобы это мне не нравилось. Совсем наоборот!

Я постигала все больше знаний, касающихся отношений мужчины и женщины, и особенно уделяла внимание тому, как доставить мужчинам настоящее сильное наслаждение. Мне нравилось видеть, чувствовать и ощущать, как они буквально входили в экстаз, испытывая сильнейшие чувства. Помимо толстяка, который мне не был симпатичен по-прежнему, у меня несколько раз случились романы-однодневки с понравившимися мне мужчинами. Мне хотелось испытать и самой нечто подобное, какие-то необычно сильные чувства. Но у меня ничего не получалось, и я продолжала потихоньку совершенствоваться в искусстве ублажать мужчин, дарить им такие чувства и ощущения, которые не дадут им покоя, заставят постоянно думать обо мне, желать и добиваться меня, и в такие мгновения они просто забудут о каких-то других своих женщинах. Зачем мне это было надо, я точно сказать не могла. Наверное, такая небольшая власть над мужчинами давала мне немного удовлетворения. Ведь никакого другого удовольствия в близости с мужчинами я не знала, и меня устраивало то, что есть. А в остальном у меня все хорошо! Так сказала я себе и продолжала жить.

Ленка справила свое двадцатилетие и заканчивала четвертый курс Университета. У нее тоже все было отлично – по ее словам, конечно. Меня слегка огорчало, что у нее нет парня, или, как сказала бы сейчас Петровна, жениха. Но дочка отмахивалась от моих вопросов, как от назойливых мух:

– Мама, ну перестань! Я еще не встретила того, с кем не страшно идти по жизни. Кто не предаст, не обидит, будет любить детей, и с ним я спокойно встречу старость!

От такого пространственного заявления моей дочурки я слегка оторопела.

– Лена, так рассуждают женщины, кому за... А тебе всего...

– Пошел третий десяток, – и моя красивая проказница расхохоталась. – Ох, мамочка, хорошо, что ты у меня такая молодая!

Конечно, я была еще молодая – тридцать шесть лет. Успешная в карьере; имею поклонников, ухажеров или как там правильнее – любовников. От слова "любовь", между прочим. Вот такая, значит, у меня любовь. Другой и не предвидится. А слышать комплименты своих кавалеров очень даже приятно. Так что не будем грустить, у меня всегда все хорошо! О женах, которым их мужья изменяют со мной, я старалась не думать. Раз изменяют, значит, что-то не ладится в их отношениях, сказала я себе и поставила точку в этом вопросе.

На работе все было безупречно. Я устроила отдел по своему усмотрению, и кому-то это не понравилось. От таких я быстро избавилась, подстроив им западню – дала задания, в которых было легко запутаться. В результате две девчонки подали заявления по собственному желанию, и у меня в подчинении оказались верные, надежные, порядочные сотрудники, которых и я поддерживала, помогала и вообще, создала им комфортные условия для работы. Отношения с толстяком продолжались, я даже начала привыкать к его нехитрым ласкам и на довольно скромные подарки смотрела без обид.

В постели он не требовал никаких изысков, со мной ему "надо" было один раз в неделю, и вот этот факт меня не устраивал никак. Мне хотелось повышать свое мастерство, степень любовного "офигенства", но с моим толстяком это было невозможно. Подопытный кролик из него не получился. В грустных раздумьях я побывала несколько раз в магазине интимных товаров, и, кроме новых книг, купила парочку "штучек" – из тех, что показались мне в первый раз постыдными и ужасными. Авось пригодятся!

Новогодние праздники подлетели незаметно и принесли хорошее настроение, премии на работе и большое корпора-

тивное мероприятие. Я не любила такие вечера и старалась избегать их, но теперь не пойти было нельзя – начальство должно присутствовать в полном составе, так распорядился Генеральный директор. Вздыхнув, я готовилась к празднику под командованием Ленки, да мне и самой хотелось хорошо выглядеть. Вопреки ожиданиям, вечер удался.

Мне понравилось все, я веселилась от души и удивилась, как серо и скучно я живу, если обычный корпоратив доставил столько радости! Под конец, когда все немало выпили и танцевали до упаду, ко мне подошел толстяк. Пригласив меня на медленный танец, он сделал мне сотню комплиментов и, вздохнув, сказал, что будет скучать по мне и помнить всю жизнь.

– Переезжаем мы, – грустно признался он наконец, – жена болеет часто, не климат ей здесь. В южный регион, там у нее родители. Знаешь, Катерина Николаевна, с тобой, правда, так хорошо было, ты просто не представляешь.

Я тоже поблагодарила толстяка, но почему-то обрадовалась. Петровна всегда говорила, что пустым место не бывает, и оно обязательно заполнится. А вдруг мне встретится Он? Тот самый, без которого невозможно жить. С ним будет не страшно пойти по жизни, а еще он будет любить детей. Никогда не обидит и не предаст – примерно так моя дочурка озву-

чила требования к своему будущему избраннику, а теперь и я взяла их на вооружение. Я втайне мечтала о чем-то таком, чему даже название дать не могла. Мне просто хотелось, чтобы обо мне заботились, ухаживали, звонили несколько раз в день – узнать, как мои дела; дарили иногда цветы, без повода. Или хотя бы шоколадку. Изредка я смотрела мелодрамы по телевизору и жуть как завидовала героине, потому что все ее трудности и беды прекращались, стоило только появиться Ему.

Под бой курантов тридцать первого декабря я загадала, помимо всего прочего, свое тайное любовное желание. Неистово, с небывалой ранее страстью, я повторила свою просьбу несколько раз. Может, меня услышат? Второго января вместе с дочкой мы поехали на кладбище, захватив с собой еловых веток с украшениями и разных сладостей. Разложив все это на могилах, мы долго молчали. Мысленно я просила усопших родных помочь в исполнении моих желаний, и мне верилось, что меня услышали. Должны же мы чему-то верить? Толстяк с семьей уезжал во время новогодних каникул, и мы "попрощались" по его просьбе в сауне, которую он снял на четыре часа. Сначала я ахнула от изумления, узнав об этом, но там все оказалось просто и хорошо. Большую часть времени мы лежали и разговаривали, ходили в парную, плавали в бассейне. Время пролетело незаметно, и

мне даже было жаль расставаться со своим любовником. Наверное, я к нему все-таки привыкла. На должность толстяка взяли нового сотрудника, мужчину лет пятидесяти. Его я еще ни разу не видела, но уже слышала о нем много нелестного от своих сотрудниц. И когда он провел первое совещание с начальниками отделов, то объявил несколько выговоров и замечаний, в том числе и мне. Я вступилась за своих сотрудниц, нарушивших якобы дисциплину, и услышала просьбу нового начальства задержаться по окончании совещания.

Недовольная всем происходящим, я сидела напротив заместителя Генерального директора и была готова сцепиться с ним не на жизнь, а на смерть, защищая моих девчонок, чьи преступления заключались в посещении кофейного автомата несколько раз в день. Ладно, подумала я, купим кофе в отдел, сахар, сливки и бегать к автомату будем пореже.

– Хорошо, что Вы приняли к сведению мои замечания, – произнес новый начальник, внимательно всматриваясь в бумаги на столе. Имя-отчество уточняет, насмешливо подумала я и не ошиблась, – Екатерина Николаевна, а я с вами о другом хотел поговорить.

Я проявила максимум внимания – речь пошла о работе и о

вопросах, касающихся дисциплины. Непонятно было только одно – с чего это "Жердь" – а именно так я окрестила нового начальника, высокого и худого, решил со мной советоваться и спрашивать мое мнение. Но "Жердь" сам ответил на мой безмолвный вопрос:

– Екатерина Николаевна, Вас я успел узнать как умного, грамотного руководителя и надежного коллегу, на которого можно положиться в трудную минуту. Именно так мне Вас и рекомендовали. На мой слегка удивленный взгляд он, улыбувшись, добавил:

– Мой предшественник. Он был очень доволен Вашей работой.

Намек, что ли, подумала я, попутно отметив, что улыбка у "Жердя" очень даже красивая. Выходя из кабинета, я услышала:

– Заходите в любое время, с любыми вопросами и проблемами. Думаю, ничего нерешаемого у нас быть не может. И я всегда рад угостить Вас чашечкой кофе.

Поблагодарив нового начальника за доверие, я вышла из кабинета. Интересно, а он женат, подумала я. Через три недели мы стали любовниками. С "Жердем" мне понравилось на-

много больше, чем с толстяком. Высокий и худой, "Жердь" опровергал много раз встречавшуюся мне информацию о том, что такого телосложения мужчины обычно слабы в постели. Нет, все совсем наоборот. Возможно, он был исключением из правил. Как и мне, секса ему хотелось изысканного, с выдумками, и я даже смущалась несколько раз от его предложений. Но с ним всегда было приятно, остро и вкусно, образно говоря.

Иногда я вспоминала толстяка и думала, почему он и "Жердь" завели себе любовниц? Ведь их жены, утверждали они, были замечательные мамы, отличные хозяйки, достойные супруги. Вкуснейшие пироги у жены толстяка и пикантные салаты в доме "Жердя", видимо, не имели решающего значения. Но разве секс мог стать пунктом номер один в семейной жизни? Пытаясь разобраться в этих вопросах, я много читала, пересмотрела фильмы, как известные, так и современные глуповатые мелодрамы, но главный вопрос – о любви – оставался для меня глубокой тайной по-прежнему. Моя мама когда-то на этот вопрос ничего вразумительного ответить мне не смогла.

И спроси у меня сейчас Ленка то же самое, я бы не знала, что нужно отвечать. Доченька, я не знаю, что такое любовь. Но Ленка ничего у меня не спрашивала.

Моя дочка заканчивала Университет, готовилась к гос.экзаменам, и я наивно думала, что она занята только этим.

– Я буду гордиться тобой всю жизнь! – торжественно сказала я Ленке, которая получила диплом с отличием.

– Сюрприз, мамочка, тебе, – дочка чуть не подпрыгивала на месте, – мама, это тебе спасибо, это ты дала мне такую возможность!

Мы шли по коридорам Университета, и я с гордостью несла "красные корочки", думая о том, как бы сейчас радовались мои родители и бабушка. Ленка выглядела сногшибательно: высокая красивая прическа, нежный макияж, длинное шикарное платье, и рядом с такой красавицей я постаралась не ударить в грязь лицом, потратив максимум усилий для своего внешнего вида. Мы поехали в шикарный дорогой ресторан, и я только посмеивалась, глядя, как моя красавица озирается с удивлением по сторонам. Цены здесь были такие, что случайных посетителей не наблюдалось; это место, действительно, давало возможность хорошо отдохнуть и отведать разные вкусности. Незаметно я наблюдала за дочкой – она быстро освоилась в непривычной обстановке, и все происходящее было для нее как будто обычным явлением. Ве-

чер мы провели чудесный. Помня, как поступила Петровна в момент моего получения диплома, я сделала точно также – увезла Ленку в деревню на две недели отдохнуть, тем более что я наконец-то пошла в отпуск. Там было хорошо, но иногда мне казалось, что Ленка то ли грустная, то ли задумчивая. На все мои вопросы она отвечала, что все хорошо и не надо беспокоиться. Последние дни нашего отдыха шли непрерывные дожди, и вечерами я усаживалась на маленький диванчик с книгой в руках, а Ленка пристраивалась рядом, свернувшись клубочком. Я читала что-нибудь вслух по просьбе дочки, и мое сердце сжималось от боли – до того она казалась мне беззащитной и слабенькой, моя девочка. Ну как она будет жить в этом огромном, страшном мире? Конечно, я буду рядом и изо всех сил постараюсь защитить ее от любой беды. Ведь она – самое лучшее, что у меня есть в жизни.

– Мам, расскажи про любовь, – и я нисколько не удивилась вопросу, так как только что мы закончили читать "Первую любовь" Тургенева. Улыбнувшись дочке, я припомнила два подходящих стихотворения, но она остановила меня:

– Ты сама расскажи. От себя. Буленька мне много рассказывала!

Я удивленно взглянула на дочь – что такого любовного могла рассказать Петровна своей правнучке?

– Про Снегурочку, мам; знаешь, она не растаяла, нашелся добрый молодец, который привез из города холодильник, и Снегурочка в жару пряталась там и ела мороженое. А молодец стал ее женихом!

Я знала эту сказку Петровны и понимала, почему бабушка придумала такую концовку. Ленка с ее добрым, нежным сердечком не перенесла бы гибели Снегурочки.

– Давай чай пить, Ленок, – мне не хотелось говорить с дочкой о любви. "От себя" мне было нечего сказать ей на эту тему. Я тоже хотела бы знать, а есть ли она на свете, эта любовь? Впору самой было спрашивать об этом дочку.

Незаметно подкравшаяся осень принесла дожди, холода, и мне стало грустно от такой погоды, так как я очень любила сентябрь. Такой теплый, нежный, с добрым ветерком по утрам и вечерам. Но, в конце концов, природа сделала нам подарок в виде сухой последней недели сентября, и тут же у нас на работе был объявлен выезд "на природу" – корпоратив, который не успели организовать летом. Однодневный отдых на турбазе всем показался замечательной идеей, и даже я не возражала – "Жердь" установил строгое правило: на

любом мероприятии начальство присутствует в полном составе. На турбазе было весело, но ближе к вечеру я слегка устала с непривычки и отправилась побродить по всей территории. Помимо нас, здесь было много других отдыхающих, и, чтобы никому не мешать, я ходила по каким-то тропинкам и лесочкам. Мое внимание привлек шум, и через минуту, раздвигая колючий кустарник, я вышла на волейбольную площадку. Вот это да! Мою усталость как рукой сняло.

– Екатерина Николаевна, идите к нам! – закричали мои молодые коллеги, явно проигрывая сопернику.

Я осмотрелась: хорошая площадка, есть рефери. А что еще нужно для волейбола? Команда противника была сильна только одним игроком, но каким!

Глядя на его шикарную подачу, прием, нападающий удар и отличный пас, я подумала, что, должно быть, у него хорошо поставлен и блок, просто он пока не применял его – они слишком легко выиграли два сета подряд. Ну ладно, посмотрим! И я заняла место на площадке.

Третий и четвертый сет остались за нами благодаря ошибкам противника, и сейчас шел решающий, пятый. Тайм-брейк идет до пятнадцати очков, и наш отрыв в три мяча

давал большой шанс на победу. Я решилась на силовую подачу, а по сути это нападающий удар, и мое намерение не укрылось от противника. Если честно, меня раздражала игра высокого, спортивного парня, который всегда улыбался, когда я выходила на подачу, большая часть которых приносила очередное очко моей команде. Но он все равно пристально разглядывал меня, и выражение его лица было странным и непонятным. Ладно, держитесь, раз так! Я с разбега выполнила удар в прыжке, вложив в него все силы и умение, все, чему меня учили тренеры с детства. подача получилась не совсем хорошей, но и этого оказалось достаточно! Мы обнимались, празднуя победу, а лучший игрок противника перебрался на нашу половину, поздравил всех с успешной игрой, а мне, нагнувшись, поцеловал руку со словами: "Высший пилотаж". Все это показалось мне слегка неуместным. Пробормотав в ответ слова благодарности, я хотела удалиться вместе с моими парнями, но неожиданно услышала:

– Екатерина Николаевна, разрешите Вас проводить?

Нет, все-таки этот спортивный красавчик по-прежнему не вызывал у меня добрых чувств, но я вежливо ответила, едва скрывая неприязнь:

– Разрешаю.

Он повел меня в обход, продолжал говорить о прекрасном матче и выразил надежду когда-нибудь сыграть со мной в одной команде:

– У Вас отлично поставлена силовая подача, а какой пас и прием! Это невероятно! Мы проиграли еще и потому, что я все время заглядывался на Вашу игру.

Завязалась легкая, непринужденная беседа, и неожиданно мне понравилось общество этого парня. Симпатичный, стройный, приятный в общении и такой еще молодой! Последнее обстоятельство особенно огорчило меня, и я боялась даже подумать, почему. Сейчас мы расстанемся и вряд ли когда-нибудь встретимся, грустно подумалось мне. Опомнись, приказала я себе. Он не прост.

За такими парнями девчонки табуном бегают. Ему понравилась твоя игра, и это ровным счетом ничего не значит. Ты даже не знаешь, как его зовут. Прощаясь, он сжал мою руку и неожиданно засмеялся:

– Простите меня, пожалуйста, Екатерина Николаевна, вот я глупец! Не представился Вам, так увлекся беседой, нашей прогулкой... Денис! Меня зовут Денис.

Он все еще не отпускал моей руки, и я растерялась. Впервые за много лет. И впервые не знала, как вести себя с мужчиной.

– Екатерина Николаевна, а позвольте Вашу визитку? – улыбнулся Денис, и я, с трудом оставаясь спокойной, ответила, что у меня ее нет.

– Тогда возьмите, пожалуйста, мою. Вдруг Вам понадобится консультация или помощь юриста. По работе, – он чуть запнулся, – я всегда рад помочь.

Поздно вечером мы возвращались в город, и я видела, как "Жердь" обхаживает молоденькую бухгалтершу из соседнего отдела, но мне было абсолютно все равно. Рано или поздно нашим отношениям пришел бы конец – "Жердь", по его словам, всегда находится в состоянии творческого поиска, и, как мне казалось, начал терять ко мне интерес. Он и не скрывал, что любит женщин помоложе, но теперь мои мысли были заняты Денисом. Чернышовым Денисом Олеговичем.

Юристом фирмы "Ваш партнер". Жаль, что на визитке не было написано, сколько ему лет, есть ли у него жена и дети. Пролетела неделя, затем вторая. Я изнывала от желания позвонить Денису, но не могла заставить себя сделать это. Что я ему скажу? Какая мне еще консультация, если я сама

юрист, и у меня нет затруднений по работе? Хотя, ведь он об этом не знает.

Ленка устроилась на работу и теперь именовалась гордым названием – PR-специалист. Бесконечные презентации, реклама, клиенты и множество подобных вопросов. Она работала практически непрерывно, даже дома и в дороге. Ей все хотелось делать хорошо, и на отдых у нее почти не было времени. Получив первую зарплату, она приготовила хороший ужин, красиво накрыла на стол – свечи, цветы, кружевные салфеточки. Сама Ленка выглядела немного загадочно и, как всегда, в глаза бросалась ее яркая природная красота, милая улыбка, и собеседником она была очаровательным. Только ее одиночество немного настораживало и пугало меня. Но она по этому поводу не беспокоилась ни капельки.

Ругая себя на чем свет стоит, я решилась на звонок. На рабочий номер, разумеется.

– Денис Олегович в командировке и будет на следующей неделе! – отчеканил звонкий девичий голосок.

Я оставила свой номер, тоже, естественно, рабочий, и просьбу перезвонить. Когда вернется.

– Я только что приехал и очень рад, что Вы позвонили. Что-нибудь серьезное? – у меня перехватило дыхание, и я не сразу смогла ответить, что мне нужна консультация. Но это не срочно.

– Может, встретимся, выпьем кофе, обсудим Вашу проблему? – и я ничего не услышала, кроме делового предложения. Договорившись на завтра на вечер, он повесил трубку, а я с волнением перебирала в памяти каждое сказанное слово, вспоминала его интонацию, голос и мучилась угрызениями совести. Он наверняка женат, и у него есть дети. Еще на турбазе я заметила, что у него нет обручального кольца, но это ни о чем не говорило. И еще, он был моложе меня, лет на пять, как минимум. Ладно, встретимся завтра, выпьем кофе, обсудим мою несуществующую проблему, и на этом все закончится. Гадкий утенок, насмешливо сказала я себе, глядя в зеркало. Чего ты хочешь от молодого красавца? У него и без тебя полно девушек, так что успокойся. Займись лучше работой.

Мне казалось, что завтра никогда не наступит. Особенно вторая половина дня. Я очень волновалась. Один раз увидеть человека и думать о нем практически беспрерывно – что же это значит? Мне было трудно разобраться в своих чувствах.

Прежде я никогда не испытывала подобного влечения к мужчине. Мы пили кофе и разговаривали. Обручальное кольцо по-прежнему отсутствовало, и это обрадовало меня, но вскоре насторожило. Скрывает, что женат, недовольно подумала я, слушая какие-то веселые истории, которые уже заставили меня улыбаться. Денис предложил перейти на "ты", и я согласилась. Мне стало казаться, что я заранее согласна с любым его предложением. Когда мы расстались, я испытывала жуткую боль, потому что он не сказал ни одного слова, не сделал даже самого маленького намека на продолжение наших отношений. Но теперь он знал не только мой рабочий телефон, но и сотовый тоже. И это давало мне надежду. Маленькую, и, наверное, глупую.

Раздавшееся "привет" и обычные вопросы о делах и настроении вмиг вырвали меня из депрессии, в которой я пребывала последние дни.

– Катя, завтра пятница, может, после работы посидим где-нибудь? Если ты свободна?

У меня уже были планы на вечер.

– Конечно, свободна, – быстро ответила я.

– Тогда до завтра! – он повесил трубку, а я задумалась. Тебе ничего не светит в отношениях с ним, говорила я себе. Отмени встречу и забудь его. Но сделать это было выше моих сил. Когда он случайно коснулся моей руки, я поняла, почему не могу прислушаться к здравому рассудку и прекратить наши невинные встречи. Меня как будто ударило током, и я полностью потеряла над собой контроль. Это было непонятно что, но оно было. Карма? Химическая реакция? Да какая теперь разница! Мне очень нужен он. Чернышов Денис Олегович. Может, я схожу с ума?

Получив приглашение посмотреть волейбольный матч в воскресенье, я не стала отказываться. Игра обещала быть интересной, и я заранее радовалась встрече с Денисом. Как только мы уселись, он взял меня за руку и осторожно сжал ее. Электрический ток немедленно побежал по моему телу, и, посмотрев на Дениса, я поняла, что у него тоже – ток, химическая реакция, возможно, карма... Мы смотрели первый сет, тихонько говорили об игре, и он все также держал мою руку. Я буквально сгорала от страсти и видела, что он чувствует то же самое.

Мы как будто держали друг друга в объятиях и целовались. Я ласкала его и позволяла делать со мной все, что угодно. Мои щеки пылали, и я ничего не чувствовала, не пони-

мала, кроме одного – непреодолимого желания. Повернувшись к Денису, я посмотрела ему в глаза.

– Катя, – произнес он хрипло, – Катя, пойдём...отсюда?

– Да, – тихо ответила я, – да.

Мы поехали в мою вторую квартиру, которая периодически бывала свободной, и хорошо, что ехать было недалеко. Все происходящее дальше напоминало калейдоскоп. Разноцветные блики, вспыхивающие все с новой силой, давали ощущения нереальности происходящего. Теперь я понимала, почему ничего не чувствовала раньше, ни с кем из мужчин. Потому что это были не те мужчины.

Сама я потерялась в ощущениях и сначала ничего не смогла дать в ответ Денису. Все, что копилось веками, и чему я научилась и узнала, вмиг забылось.

Мы оба спешили удовлетворить внезапный голод, но чувство насыщения никак не приходило. Чуть позже, когда мы спокойно лежали рядом, Денис сказал:

– Катя, я разведен. Детей нет. А ты?

Вспыхнув, я ответила, что не замужем, имею взрослую дочь. Денис больше ничего не сказал. Он вновь прижал меня к себе и стал целовать. Наверное, на моем теле не осталось ни одной клеточки, где бы ни коснулись его губы.

Счастье, неожиданно пришедшее ко мне, не имело границ, и за него я была готова платить любую цену.

С этого дня моя жизнь стала измеряться временем, которое мы могли провести вместе. Я думала о Денисе постоянно – когда он был со мной и когда отсутствовал. Он стал мне необходим, как воздух. Теперь я могла рассказать своей дочери о любви. Я узнала, каким оно бывает, это чувство, и целиком отдалась ему. Иногда мне хотелось во всем признаться Ленке и познакомить ее с Денисом. Но что-то удерживало меня от подобного шага. Да и Ленка все время была занята своей работой, и я помалкивала, решив, что время для этого еще не пришло. О любви мы с Денисом никогда не говорили. Это подразумевалось само собой, а страсть, поглотившая нас целиком, только подтверждала силу чувства. В этом я была уверена полностью и никакими комплексами больше не страдала. Сказать по правде, мучило меня только одно – разница в возрасте. Денис был моложе меня на восемь лет. О себе он рассказывал немного: расстался с женой и уехал из родного города, ухватившись за выгодное предло-

жение работать в известной юридической фирме. Ему нравилась работа, но оторванность от родных и друзей немного тяготила его. Со страхом я подумала, что может наступить момент, когда он решит вернуться домой. И тогда что? И совсем некстати вспомнила о кобыле с чужим жеребенком.

– Ты, Катя, с ума сошла? – первое, что я услышала от одной из своих подруг. Мы сблизились еще со времен вечерней школы, и, как оказалось, женская дружба в природе тоже существует. Иногда мы не виделись неделями, но потом все же находили время для встреч, и все выглядело так, как будто мы расстались только вчера. – Ты спятила, не иначе. Как врач говорю тебе!

Военный хирург, она прошла несколько "горячих" точек и заявила, что теперь видела все. У нее не было ни семьи, ни детей, ни даже собаки. Мою Ленку она просто обожала и заваливала всевозможными подарками.

– Вот бросит он тебя, звони сразу мне. Приеду тебя спасать, – грубовато заявила она, никогда особо с нами не церемонившаяся. – Сто граммов медицинской спиртяжки – лучшее лекарство для души, уж поверь моему врачебному опыту!

Я возразила, что Денис не такой, отношения у нас серьез-

ные, услышала в ответ, что я бестолочь и в людях так и не научилась разбираться. Отослав ее куда подальше, я все же задумалась. А вдруг она права? Нет, нет, как заклинание, произнесла я про себя несколько раз. Он меня любит, и все у нас будет хорошо!

Но в глубине души меня грызли сомнения. Я очень боялась потерять этого человека. Очень...

Новогодние праздники Денис собрался отмечать в родном городе с друзьями, а Рождество с родителями. Об этом он мне сообщил в конце декабря, и я услышала в его словах только информацию. Или мне это показалось? Чуть позже я подумала, что он мог бы пригласить меня встречать праздники с ним. С его родными и друзьями. Но этого не произошло, я сначала обиделась и постаралась дать понять ему это. В декабре мы и так виделись очень редко – то он, то я были заняты, в основном своей работой. Чаше это происходило у Дениса, и я очень переживала, скрывала от всех свое настроение и плакала в подушку бесчисленное количество раз. Да, все было именно так, и я ничего не могла с собой поделать. Любовный мир бывает жестоким и очень болезненным, и горе тому, кто не выздоровел вовремя. Казалось, вся моя жизнь теперь зависела только от Дениса. От его улыбки, голоса, ласкового взгляда. От его звонков, которые раздавались все реже, и от встреч, которых мне так не хватало.

ло. Несколько раз мы обедали вместе и ходили гулять. Но больше не было крепких объятий и поцелуев в машине, не было наших страстных встреч наедине. Сначала я еще на что-то надеялась, но шло время, и я поняла – Денис избегает отношений со мной. Не признаваясь в этом ни одной живой душе, я держалась из последних сил на работе и дома. Хорошо, что Ленка ничего не замечала. У нее были личные дела, работа, подруги, кто-то еще.

Я не имела сил расспросить ее о "ком-то еще " и надеялась только на ее благоразумие и правильное воспитание, немалую часть которого ей дала Петровна.

Бабушка! Как она была мне сейчас нужна! Возьми себя в руки и прекрати немедленно глупости, сказала бы она, одновременно жалея свою несчастную внучку. А сейчас мне и поплакаться-то было некому. Денис больше не хочет со мной встречаться – эти слова я произнесла вслух и почувствовала, как боль разливается по всему моему телу. У меня было ощущение, что кто-то умер.

Любовь, наверное. Она должна умереть, ее надо убить, вырвать из сердца и растоптать как можно безжалостней. Но прежде мне надо увидеться с Денисом и поговорить. Один шанс из миллиона, но он есть, и я должна его использовать.

Мы встретимся, только чуть позже, когда он вернется из командировки, сообщил мне Денис в СМС. То, что он не прятался и готов на разговор со мной, было для меня как соломинка утопающему. Во всяком случае, я узнаю правду.

А дальше?

– Катя, я, наверное, очень виноват перед тобой; вольно или невольно, но я дал тебе надежду, которой не было изначально. Я просто не думал, что для тебя это превратится во что-то большее. Чем просто встречи, – отвечал Денис на мои вопросы и обиду. Он, видать, подготовился к разговору, держался чуть настороженно, но спокойно. Хотя и смотрел на меня с нескрываемым сочувствием. Я тоже готовилась заранее – несколько дней пила успокоительные, но они не помогли как следует.

– Мне очень жаль, Катя, прости меня, – повторил он несколько раз и замолчал, глядя куда-то в окно – мы сидели в кафе недалеко от моей работы.

– У тебя появилась другая? – спросила я. Мне было уже все равно, пусть скажет правду. Больнее уже не будет.

– Она всегда... была, – ответил Денис, глядя мне в глаза. – Я знал ее давно, понимал, что влюблен, но она не отвечала взаимностью; я ревновал, боялся, что у нее появится кто-то другой. Она долго считала меня просто хорошим другом. Но для меня все равно это был шанс. Конечно, у меня иногда случались женщины, это ведь не преступление.

Конечно, не преступление, мысленно ответила я. А он продолжал рассказывать о незнакомой девице, которая украла у меня любимого человека, и все это решилось в Новогодние праздники. Вернее, это я попыталась украсть его, и какое-то время он был моим. Но теперь все кончено, потому что та девица согласилась быть с ним. И сейчас Денис счастлив, я видела это хорошо, ведь мои чувства обострились до предела.

– Тебя поманили пальчиком, и ты побежал, – мне хотелось сделать больно и ему, хотя бы немного. – А вот когда ты ей надоешь...

– Не надо, Катя, прошу тебя. Все, что было у нас с тобой, останется в моей памяти светлым и добрым воспоминанием. Ты очень хорошая, симпатичная, сексуальная женщина. Прости, что я не смог ответить на твои чувства.

Я представила себе высокомерную, холеную девицу. Да она просто охотница на самодостаточных, успешных мужиков. Хитрая самка! Какие-то из этих слов я произнесла вслух, и Денис, поморщившись, произнес:

– Ты ничего о ней не знаешь, зачем же говоришь так? Она милая девушка, из очень приличной семьи. Она – другая, не как все. Добрая, хорошая. Ее хочется оберегать, защищать и, знаешь, жизнь отдать, если это понадобится. Не задумаясь!

Он говорил больше, чем я могла вынести. Он добивал меня, нанося раны, от которых мне будет трудно оправиться. Зачем я слушаю его сейчас? Встань и немедленно уходи, приказывала я себе, но никак не могла сделать это.

– Катя, я тебя очень уважаю, поверь, это не просто слова. Я редко кому говорю их. Если понадобится моя помощь, звони. В любое время.

Денис говорил что-то еще, но я уже ничего не понимала, до меня доносился только звук его голоса и добрая, участливая интонация. Он хорошо воспитан, подумала я. Слишком хорошо, чтобы быть моим. Мой удел – толстые или худые начальники да случайные мужики. Я не заслуживаю большего. Никто и никогда не скажет, что хочет оберегать меня

от любых бед и даже отдать жизнь, если это понадобится. Таких, как я, просто используют, а женятся на ухоженных, уверенных в себе самках из приличных семей. И с хорошим воспитанием. Разрыдалась я уже дома. Хорошо, что Ленки не было. И вернется поздно, сообщила она в СМС. Это к лучшему, мне надо побыть одной. Дочка вернулась довольно рано, но я тихо лежала в своей комнате, делая вид, что сплю. Ленка порхала по комнатам, осторожно хлопала холодильником на кухне, затем пошла в душ. Выйдя из спальни, я увидела на столе большой букет красных роз. К ленточке была прикреплена открытка. Я прочитала на маленьком кусочке картона слово "люблю", написанное обычной шариковой ручкой. Но сейчас у меня не было сил порадоваться за дочку по-настоящему, и я вернулась в спальню.

Потянулись мрачные нерадостные часы и дни. На дворе вовсю бушевала весна, принарядились и люди, и природа, а меня съедала тоска. Я все никак не могла оправиться от своего горя. Да, именно горя – ведь я похоронила частичку себя. Дениса я часто вспоминала и представляла, чем он занимается сейчас и каково ему с этой... Счастлив ли он? Думает ли он обо мне хоть иногда? И мне все больше хотелось увидеть ту, которая причинила мне столько боли. Она лишила меня женского счастья и возможности быть рядом с любимым человеком.

Я не хотела желать ей зла, но как бы мне понравилось,

если б Денис бросил ее. Пусть даже ради кого-то другого. Пусть остается с кем угодно, но только не с ней! Она должна почувствовать боль так же, как и я. Ведь, встречаясь со мной, он продолжал думать о ней. Сознать это было ужасно.

Скрепя сердце я согласилась последовать советам подруг – пройтись по магазинам и купить себе какую-нибудь обновку. В пятницу я вышла с работы чуть пораньше, сославшись на плохое самочувствие. Об этом последнее время я часто слышала от коллег и воспользовалась ситуацией. Побродив по центру города, я вернулась в машину, укладывая пакеты с покупками на заднее сиденье. Все, что в них было, я купила для Ленки. А я обойдусь, мне ничего не надо. Некоторое время я сидела в машине, с тоской рассматривая людей на улице. Пятница, вечер, у всех хорошее настроение. Поеду домой, приготовлю ужин. Может, Ленка пораньше приедет сегодня? Последнее время она где-то пропадала по вечерам, и я догадывалась, что это не просто так. Включив музыку, я собралась выехать с парковки и вдруг неожиданно увидела Дениса. Он стоял недалеко от своей машины с букетом цветов. Ее ждет, ясное дело, цветочки вон приготовил. Денис постоянно поглядывал на часы, видимо, она опаздывала, и он терпеливо ждал.

Я рассматривала происходящее с жгучим интересом, хотя мое сердце сжималось от боли. Благоразумнее было бы сейчас уехать подальше, но я сидела, как загипнотизированная, и не сводила с Дениса глаз. Высокий, стройный красавчик, и она, наверное, под стать ему, не успела подумать я, как тут же убедилась в этом. Юная, хорошенькая, как картинка, она подбежала к Денису. Он нежно обнял ее и что-то сказал. Она подняла голову, и, обхватив его шею руками, посмотрела на него снизу вверх. Некоторое время они так и стояли, слегка касаясь друг друга, не позволяя себе вольностей у всех на виду, но в то же время были хорошо видны их еле сдерживаемые чувства. Да, Денис все правильно говорил о своей любимой девушке. Она – другая. Нежная, добрая, ласковая и любящая. И он сам – честный, порядочный и мужественный.

Они смотрели друг на друга и обнимались. Они были очень красивой парой. Денис и моя Ленка. Потрясенная всем происходящим, я сидела, не шевелясь, и в голове билась только одна мысль – своими руками я чуть не разрушила счастье собственной дочери. Я одна виновата во всем, я и только я! Господи, что же делать-то?

Почти не разбирая дороги, я рулила как попало и вскоре подъехала к городскому кладбищу. Туда мне и надо. Я не хотела больше жить. Добравшись до нужной могилы, я упала

возле ограды и завыла, словно волчица. Я не хочу жить! Бабушка, я не хочу больше жить. С овальных портретов на меня смотрели тетя Света, ее муж и сыновья. Они смеялись, а Петровна улыбалась. Я спрашивала у них, что мне делать. И повторяла, что не хочу больше жить. Но никакого совета на этот раз я не получила. Или не расслышала. Пошел дождь, и я привстала с колен. Белое пальто было в грязи, и я подумала, что это правильно. Грязь и я – правильно. Природу не обманешь. Подъехав к дому, я выбралась из машины и пошла, шатаясь, к подъезду, не забыв прихватить пакеты с покупками. Наверное, со стороны я выглядела как пьяная. Мне показалось, что кто-то назвал меня по имени. Наверное, показалось. Галлюцинации, значит, начались. Сильно болела голова, и я не сразу попала в нужную кнопку с цифрой шестнадцать. Шестнадцатый этаж! Это не просто высоко. Это может решить разом все проблемы. Такая высота не оставит ни единого шанса.

Надо все сделать правильно, чтобы ни у кого не возникло подозрений. Для этого нужно было немного времени, и для начала я переделась в ярко-красный халат. На красном пятна крови не будут так сильно заметны. Включив свет во всех комнатах, я отперла входную дверь и вышла на балкон. Вниз я старалась не смотреть, боясь, что потом у меня не хватит мужества. Я принесла несколько щеток для мытья окон, сал-

фетки, небольшой табурет. Виски давило с невероятной силой, я старалась ни о ком и ни о чем не думать, но это плохо удавалось. У Ленки все сложится, как надо. Она встретила хорошего парня и будет счастлива. Они любят друг друга, в этом я уже убедилась и рада за мою девочку. Я вспомнила, как однажды сказала, что могу убить за нее. Ей никто не должен причинить зло, и я в том числе. Все готово, надо только не смотреть вниз, когда я встану на табурет. Телефон, лежавший на маленьком стеклянном столике, несколько раз вспыхивал разноцветными огоньками, но режим "без звука" меня не беспокоил. Сейчас мне не нужно ни с кем разговаривать.

Глубоко вздохнув, я встала на табурет, чувствуя себя приговоренной. Оглядевшись в последний раз, я снова увидела свой телефон на столике из темного стекла. Здесь мы с Ленкой любили пить чай, особенно с тортиком "Замок Любви". На днях я принесла такой торт домой, и мы сидели на балконе, пили чай и разговаривали. О любви, как ни странно. Мне вновь нечего было сказать на эту тему, но на этот раз дочка говорила сама. И как только я не заметила, что она влюблена, счастлива, любима и ждет подходящего момента, чтобы поделиться всем этим со мной! Я ничего не увидела в своей горе, депрессии и в чем-то еще... Я сказала, что болею, и Ленка грустно ухаживала за мной весь вечер. На телефоне

вспыхнуло сообщение: ДОЧКА. Ленка что-то написала мне, и я подумала – мне следует узнать, что именно. Слегка наклонившись, я потянулась за телефоном. В голове застучало сильнее, и вдруг все поплыло перед глазами. Я почувствовала дурноту и одновременно поняла, что теряю равновесие. Пытаясь ухватиться хоть за что-то, я взмахнула руками, но, кроме воздуха, ничего не ощутила. Нет, я должна прочитать сообщение дочки. Там что-то важное, я это почувствовала. Я это знала! Падая, я закрыла глаза. Не хочу ничего видеть, пусть это случится быстрее, значит, так суждено.

Неожиданно появилась Петровна, которая улыбалась и махала мне рукой.

Бабушка, помоги мне! Я должна прочитать СМС от дочки. Пожалуйста...

Открыв глаза, я увидела много белой пустоты. У меня ничего не болело, мне было хорошо и даже спокойно. Странное состояние. Где я и что со мной? Внезапно я что-то вспомнила и похолодела. Повернув голову, я увидела большую черную кнопку и, не задумываясь, нажала на нее. В комнату вошла высокая девушка в белом халате, на ее бейджике я прочитала: "Гуля". Она подошла очень близко ко мне и спросила:

– Как Вы себя чувствуете? Что-нибудь хотите? Доктор скоро подойдет и все объяснит.

– Что со мной случилось? – осторожно спросила я, боясь услышать, что я упала с балкона шестнадцатого этажа.

– Все хорошо, и Вам не надо волноваться. Было высокое давление, но уже все в норме.

Гуля рассказала, что меня без сознания на балконе нашел сосед, который был очень встревожен – я не отвечала на звонки, а до этого он встретил меня у подъезда, поздоровался, но я молча прошла мимо и вообще выглядела странно.

Он вызвал "скорую", очень беспокоился обо мне и поднял на ноги всю больницу. Я поняла, что речь идет о Борисе Тимофеевиче, который жил на тринадцатом этаже. В нашем доме с соседями много общаться было не принято, но вот с Борисом Тимофеевичем у нас завязалось подобие дружбы.

Он иногда покупал наш с Ленкой любимый тортик и приходил в гости на чай.

Пятидесятилетний вдовец, военный в отставке, он где-то работал – теперь, как говорил, в свое удовольствие. Дети и

внуки жили в других городах, и ему, наверное, было одиноко, так мне казалось. Получается, он спас меня? Нет, он просто поднялся к нам, зашел в квартиру – дверь была не заперта – и обнаружил меня на полу на балконе. Постепенно мне вспоминались все подробности вчерашнего вечера, и я не могла понять, как получилось, что я, теряя сознание, не упала с балкона на землю. Об этом было даже страшно подумать. Меня мог спасти только Ангел-хранитель, и мне очень хотелось каким-то образом выразить ему свою бесконечную благодарность, но я не знала, как это сделать...

А сейчас я жива и почти здорова. Господи, как же хорошо жить!

В палату быстро вошел высокий черноволосый мужчина – мой лечащий врач, подумала я. Однако бейджик дал мне понять, что передо мной заведующий терапевтическим отделением.

– Ну, я вижу, на поправку идете! – улыбаясь, произнес мужчина, и его веселые глаза стали совсем узкими. Он взял мою руку, посчитал пульс, чем немало удивил меня – я полагала, что этого врачи давно не делают. Впрочем, последний раз я лежала в больнице, когда родила Ленку.

– У Вас замечательные друзья! – вновь улыбнулся доктор. – И подруга, и сосед. Знаете, мне показалось, что он не просто сосед. Он так о Вас беспокоился, и, я думаю, дело совсем не в том, что он оплатил отдельную палату и всю ночь провел внизу, в приемном покое. А с Викторией мы два года работали в Левелли, почти что на передовой побывали. Она прекрасный хирург и надежный товарищ! Мне очень жаль, что у нее нет детей.

– Когда мне можно будет уйти домой, Сагиндик Сатубалдиевич? – спросила я, надеясь, что правильно разглядела имя-отчество доктора на бейджике.

– Скоро. Это самая верная примета – как только меня называют правильно, значит, пациента можно выписывать! Попробуйте, Катя. А сейчас к Вам посетители!

Не успел доктор выйти, как в палату ворвалась Виктория с огромным пакетом в руках. Бросив его на пол, она обняла меня и, оглядевшись, произнесла:

– Вот это да! Палата что надо! Кавалер оплатил, я слышала?

– Перестань, Виктория! – смутилась я, – он просто сосед

и хороший друг.

– Ну да, ну да, сосед и друг! – Виктория внимательно посмотрела на меня, – ой, Катюха, ну и напугала ты всех! Что случилось-то? Я твое здоровье хорошо знаю, и полагаю, что приступ не случайно...

Я все рассказала Виктории, умолчав о случившемся на балконе. Об этом не узнает ни одна живая душа – я уже дала клятву моей Петровне.

– М-да, ситуация, – протянула подруга, а затем неожиданно добавила, – и ты из-за этого нюни распустила? Ты радоваться должна! Девочка наша парня хорошего встретила, может, замуж выйдет, деток нам нарожает! Как хочешь, а я крестницу в обиду не дам. Никому не позволю! Она Ангел, каких не сыскать.

А то, что было, забудь! Забудь, Катя. Ради Леночки, ради Дениса, ради их будущего. Они красивая пара и очень подходят друг другу.

– Когда ты их видела? – удивилась я.

– Леночка мне фото прислала, хочешь, покажу?

На фото Ленка была в светлом платье, с красивой прической. Денис обнимал ее осторожно и нежно, видимо, они танцевали медленный танец.

– Где это они? – удивилась я.

– Как ты отстала от жизни, – насмешливо ответила Виктория, – это они в ресторане, с родителями Дениса. Он Леночку с родителями познакомил, в свой город уже два раза возил. Вот так, подруга!

Виктория быстро распихала все принесенное по холодильнику и тумбочкам, затем присела рядом и взяла меня за руку:

– Катя, все будет хорошо. Как хирург говорю – резать надо сразу, не запускать. Поболит и перестанет. Бывает, что быстро проходит. Особенно если лечение правильное и больной все предписания выполняет.

Я кивала головой и соглашалась. А что мне еще оставалось?

– Ладно, идти надо, – сказала лучшая в мире подруга, –

Сагиндик просил зайти, эх, вот это парень! Жаль, что женат и четырех девок воспитывает!

Виктория громко расхохоталась и уже от дверей тихо добавила:

– А к соседу и другу присмотришь. Повнимательнее. И не торопись что-то отвечать; не так часто мужики встречаются, которые защищать своих женщин готовы и беречь от любой беды. Знаешь, что я "там" однажды видела?

Но больше ничего сказать ей не удалось – в палату, постучав, протиснулся Борис Тимофеевич. В руках у него были розы и большой пакет, в точности как у Виктории.

Он улыбнулся от дверей:

– Доброго дня Вам, Катенька. Как себя чувствуете?

Борис Тимофеевич всегда был очень вежлив и приятен в общении, знал много интересного, и Ленка встречала его радостной улыбкой, когда он заходил к нам на чай с "Замком Любви".

– Уже хорошо, – бодро ответила я. – Борис Тимофеевич,

спасибо Вам, за все. Вы мне жизнь спасли.

– Ну что Вы, – сказал он, – я просто подумал...

Он запнулся, но не выглядел ни смущенным, ни растерянным, но что он подумал, я не узнала. Он смотрел на меня с доброй улыбкой, и я почувствовала неловкость.

– Катя, – тихо сказал он, – я не знал точно, разрешат ли врачи навестить Вас сегодня, и написал на открытке, которая в букете. Простите заранее, если что не так. Я написал Вам то, что уже давно хотел сказать.

Я смотрела на мужчину, сидевшего напротив, и впервые в жизни могла услышать слова, о которых мечтают многие. Я хотела их услышать и в тоже время боялась этого. Во мне разом проснулись все комплексы, которыми я была напичкана с юности. Неужели я могу кому-то просто понравиться и стать дорогим и самым нужным человеком? Интересно, что он написал на открытке? И тут я вспомнила, что так и не прочитала СМС от Ленки, а ведь именно это сообщение заставило меня сделать паузу и не сотворить задуманного ужасного поступка.

– Знаете, Катя, когда я овдовел, многие женщины сразу стали обращать на меня внимание.

– Завидным женихом стали? – скрывая смущение, улыбнулась я.

– Да, – ответил Борис Тимофеевич, – примерно так. Сыновья выросли, оба военные, свои семьи завели. Мы редко видимся, и, хотя мне бывало порой очень одиноко, я не торопился избавляться от этого.

Я понимала, о чем он сейчас говорил. Многие люди подходят к вопросу создания семьи очень ответственно. Не торопятся, ищут, хотя, бывает, что и они ошибаются тоже. Но я никак не могла поверить, что понравилась этому приятно-симпатичному мужчине, возле которого вьется рой одиноких женщин, и каждая мечтает заполучить его как самый заветный приз.

– Катя, – твердо произнес Борис Тимофеевич, – я хочу Вам сказать...

Но тут распахнулась дверь, и в палату вошла уже знакомая мне медсестра Гуля.

– Простите, – сказала девушка, – но Екатерине пора на обследование и на процедуры.

– Выздоровливайте, Катя, я заеду вечером, если Вы не против, – Борис Тимофеевич и Гуля вышли, а я быстро взяла в руки открытку из букета.

" Вы мне очень нравитесь " – было написано на ней. Веселая, я побежала за Гулей, которая с улыбкой посматривала на меня. Вокруг стало светло и празднично. Мне казалось, что весь мир радуется вместе со мной.

Вернувшись в палату, я первым делом схватила телефон – надо наконец прочитать сообщение от дочки. Сообщение, которое спасло мне жизнь – в этом я уже не сомневалась! Но прочитать СМС мне опять не удалось, потому что в эту минуту Ленка позвонила мне сама:

– Мама, мамочка, что с тобой? Тебе не плохо? Что врачи сказали? Тебя завтра выпишут? Я завтра буду в городе, мама! Я приеду и сразу к тебе... мамочка, я так испугалась!

Голосок Ленки дрожал, и я поторопилась успокоить мою милую, ласковую девочку. Которую хотят оберегать, защищать и, если понадобится, отдать за нее жизнь. Я часто вспоминала эти слова настоящего мужчины. С которым моя дочь проживет долгую, счастливую жизнь.

– Мамочка, я так тебя люблю! – Ленка всхлипнула в трубке, и я еле удержалась, чтобы не сделать то же самое. – Мама, мне сразу позвонил Борис Тимофеевич и все рассказал. Как хорошо, что он оказался рядом. Это не случайно, он так сказал и еще... ой, я пообещала не говорить тебе, чтобы не волновать, а сама!

Я ответила, что уже догадалась обо всем.

– Мама, – осторожно сказала Ленка, – а тебе он нравится? Ну, хоть немного? Знаешь, ты не торопись. Подумай, если он тебе вдруг предложение сделает...ой!

Я рассмеялась на очередную дочкину оплошность, но она продолжила:

– Мамочка, а женщине, наверное, трудно одной. Это неправильно, одиночество – это плохо. Борис Тимофеевич замечательный, он очень похож на моего Дениса! Я тебя с Денисом познакомлю, как только ты выздоровеешь. Он очень хороший, и мы любим друг друга. Мы с ним отдыхать поехали, я тебе правду не сказала, ты простишь меня? Ты болела все последнее время, и я не могла ничего рассказать, я боялась, что тебе не понравится что-то или вдруг ты волнуешься начнешь...

Чуткость дочери меня поражала. Именно так все и было, мое душевное состояние оставляло желать лучшего, и Ленка, впервые полюбив по-настоящему, вынуждена была молчать. Бедная моя девочка! По просьбе дочки я рассказала о своем здоровье и попыталась убедить ее отдыхать со своим парнем, не торопиться возвращаться домой, но Ленка была непреклонна – они уже поменяли билеты и завтра будут в городе.

– Мамочка, не спорь, пожалуйста, лечись, выздоравливай! – дочка очень сильно напомнила мне сейчас Петровну, и я улыбнулась, – мам, а ты себя хорошо чувствуешь? Вот прямо сейчас? Я тебе хочу сказать что-то важное, только ты не волнуйся!

Я спокойно ответила, что не волнуюсь, и пусть дочка говорит все!

– Я тебе СМС написала, вчера, но вижу, ты не прочитала его? Мама, ты же не прочитала мое сообщение?

Я ответила, что не прочитала, не получилось как-то.

– Мамочка, ты скоро станешь бабушкой. Скажи, ты рада?

Ленка щебетала, заливаясь счастливым смехом, а я, радостно поддакивая ей, с содроганием вспомнила то, что хотела сделать вчера. Но все закончилось, и сейчас меня окружают только радостные события. А впереди их будет еще больше. Разволновавшись после разговора с дочкой, я прилегла на кровать.

Теперь я знала, кто спас меня вчера. Это Ангелочек, которого Ленка носит под сердцем. Он очень хотел познакомиться со своей бабушкой и не позволил ей сотворить самую страшную ошибку в жизни. Он уже знал, что все будет хорошо. И знает, что его очень любят и ждут в этом мире.

Нежные чувства переполнили меня через край, а вместе с тем полились слезы, только это были слезы радости и счастья. За такой короткий период из несчастной, убитой горем – а так мне казалось еще вчера – я превратилась в женщину, любимую и самую нужную, которой хотят сделать предложение.

Я узнала, что стану бабушкой, а моя девочка скоро выходит замуж. По любви. По большой и взаимной. Мне вспомнилось, как тетя Света говорила когда-то: "Все у тебя будет, Катенька, вот увидишь! Лучше, чем у меня!"

И это оказалось правдой. В тридцать восемь лет у меня начиналась новая жизнь. А любовь и счастье могут прийти в любом возрасте. Надо только очень верить в это...